

Вадим Розанов

ПРОФЕССОР ГЕРМАНОВ

Мир Новой Киевской Руси

Вадим Розанов

Профессор Германов

«BookBox»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Розанов В. В.

Профессор Германов / В. В. Розанов — «BookBox», 2026

ISBN 978-5-908152-17-4

Добро пожаловать в альтернативный мир! Тот, где в 1918 году правительство из Питера переехало не в Москву, а в Киев. Что из этого вышло и как в альтернативном мире живут люди, вы можете узнать из романа «Профессор Германов», рассказа «Платочки от сглаза» и повести «Писатели под прицелом». События романа происходят в 30-е годы XX века, а рассказа и повести — примерно в наши дни. Любые совпадения случайны, все действующие лица и ситуации вымышлены.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-908152-17-4

© Розанов В. В., 2026
© BookBox, 2026

Содержание

Профессор Германов	6
От автора	7
Вступление	13
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	20
Глава третья	26
Глава четвертая	29
Глава пятая	32
Глава шестая	35
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Глава девятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Розанов

Профессор Германов

© Вадим Розанов, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

* * *

Благодарю за помощь

Татьяну Дмитриевну Валовую – невероятно творческого человека, заместителя Генерального секретаря ООН, генерирующую потрясающие идеи, некоторые из которых легли в основу этих произведений.

В. Розанов

Профессор Германов
Роман

Мир Новой Киевской Руси

От автора

История изменилась в конце 1916 года. Одновременно наложились друг на друга несколько событий. Скончался престарелый император Австро-Венгерской империи Франц-Иосиф, на русско-австрийском фронте в ходе боев Чешская стрелковая бригада, действовавшая в составе русской армии, разгромила один из гонведских (венгерских) полков, и этот факт получил не просто широкую огласку в Австро-Венгрии, а стал основной темой разговоров в казармах и окопах. И до этого-то не отличавшиеся особой любовью к товарищам по оружию из славянских областей империи венгры восприняли эту новость особенно болезненно. И последнее: несколько германских частей, игравших роль корсета, поддерживающего устойчивость австрийско-русского фронта после брусиловского прорыва летом того же 16 года, оказались переброшенными на западный фронт в преддверии ожидавшегося там наступления армии кайзера. С оперативной точки зрения концентрация всех резервов на Западе была оправдана, поскольку никто не ждал новых наступательных порывов от русских раньше весны 17 года, а к этому моменту германцы предполагали опрокинуть западный фронт и вывести Францию из войны.

Все это сложилось вместе, и двуединая империя рухнула. События предсказуемо начались в Будапеште. Провозглашение независимости, формирование временного правительства взорвали фронт австро-венгерской армии. И если на Венгерской равнине гонведские части сразу не бросили окопы – все же родина за спиной, – то на других участках они просто оставляли позиции и достаточно организованно двигались в сторону Венгрии. Сил и инструментов противодействовать этому у империи не было. Более того, вслед за венгерскими частями на родину потянулись полки и батальоны, сформированные, собственно, в Австрии. Чешские части преимущественно митинговали, братались с русскими, росло число дезертиров. Все это происходило настолько быстро, что противники Австро-Венгрии даже не успевали реагировать, не вели решительных действий, занимая лишь откровенно опустевшие позиции противника.

Два месяца, и южная часть общего фронта центральных держав на Востоке оказалась разрушенной. Германцы спешили спасти хотя бы то, что еще можно было спасти: эвакуировали свои отдельные части, материальные запасы, оружие и особенно продовольствие. Сил занять зияющие дыры в линии фронта или заставить воевать оказавшегося таким ненадежным союзника у них явно не было. Котел в виде двуединой империи взорвался, и германцам предстояло продолжать борьбу в одиночку. Падение других союзников – турок и болгар – было лишь вопросом времени, и скорее всего достаточно короткого. Так оно вскоре и произошло.

Последствия этих событий для другой стороны были тоже далеко не однозначны. Совершенно неожиданная фактическая победа над одним из противников сыграла дурную службу русской армии. Почти половина фронта оказалась в странных условиях: ни войны, ни мира. Первый радостный пропагандистский всплеск: «Ура, мы победили!» – был воспринят всеми как предвестник скорого окончания войны и демобилизации. 90 % личного состава 9-миллионной армии военного времени были готовы немедленно отправиться по домам. Так что антивоенный настрой оказался еще и усилен нежданной победой. Совершенно безумно с точки зрения дисциплины и армейской морали было различие в положении частей на собственно германском фронте и на линии соприкосновения с бывшей Австро-Венгрией. Так что февральские события в Петрограде немногим отличались от РИ. Более того, именно на таком резком повороте истории особенно очевидна была неспособность Ставки и правительства адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию. Николай просто не знал, что делать: то ли спасти Австро-Венгрию, исходя из принципа монархической солидарности, как это сделал

в свое время его тезка-прадед, то ли добивать врага, с которым уже два с лишним года шла война. Так что империя рухнула.

В промежутке от февраля до октября вектор развития ушел еще дальше от РИ. Наследники Австро-Венгерской империи делили имущество и территории, что позволило России демобилизовать часть призванных запасных. Но напряжения в армии и в тылу это не сняло: германский фронт приходилось держать, союзники стали ещё требовательней в отношении новых наступлений русской армии, ни один внутренний вопрос (из ключевых для страны) не мог быть решен в этой ситуации. Так что октябрь состоялся. В стратегическом плане отличался, пожалуй, масштабом возможной германской угрозы. Немцам в последние полгода было уже не до наступлений, поэтому ситуация на Балтике была явно спокойнее, а Украина вообще воспринималась как глубокий тыл. Да и триумфальное шествие советской власти было не таким очевидным. Особенно отличилась в этом отношении Москва, где бои красной гвардии с юнкерами продолжались вдвое дольше и завершились с минимальным преимуществом красных.

Большевистская Россия ведет переговоры о мире с Германией. Армии уже практически нет. Позиция левых – «ни войны, ни мира» – еще более усиливается, так как размер германской угрозы представляется незначительным. Срыв переговоров, немцы из последних сил переходят в наступление на узком участке фронта, рвутся к Питеру (почти как в РИ) и направляют несколько линкоров в Финский залив. К Питеру их флот не проходит (лед и мины), но они обстреливают Ригу и Хельсинки, напугав реально. Балтийский флот в революционном состоянии, митингует и воевать не способен. На сухопутном фронте немцев с колоссальным трудом останавливают. Впрочем, резервы у них исчерпаны. Подписывается сепаратный мир без больших территориальных потерь (в основном Германии переходят польские районы), но с обязательством поставок продовольствия и сырья. Для Германии это важно, иначе ей не продолжить войну. Нет положений о флоте на Балтике и Финляндии. Про Украину и Черноморский флот в договоре нет ни слова. И вообще, самым главным своим достижением германская сторона считает обязательство Советской России не вмешиваться в дела бывшей Австро-Венгрии. В Питере при подписании этой статьи ехидно посмеивались: мы-то не будем вмешиваться, но за Коминтерн мы не отвечаем! Впоследствии обязательства о поставках продовольствия фактически не выполняются, но немцам уже не до этого: в начале 18 года, под ударами союзников на Западном фронте, Германия быстро рухнет, и уже в ноябре в Версале после долгих переговоров будет подписан мирный договор.

Но еще до этого правительство большевиков все же решает переехать из Петрограда, поскольку город слишком уязвим с моря. Но куда ехать? Москва ненадежна, там у большевиков вообще нет очевидного большинства. К моменту переворота в городе было много военных училищ. Юнкера распушены, но они никуда не делись, а в городе сильно влияние правых эсеров. К тому же Москва – традиционная монархическая столица России. Город не столько промышленный, сколько торговый. Возникает вариант Киева. Прямой угрозы с запада и моря (германские линкоры оставили по себе сильную память) нет, с северо-запада от Германии Киев прикрыт Припятскими болотами, ситуация с продовольствием там намного легче, чем в Москве и Питере. На Украине много демобилизованных, на которых предполагают опираться большевики, да и Черноморский флот вроде бы вполне боеспособен (морякам Балтфлота после истории с германскими кораблями доверия нет).

Совнарком и другие советские учреждения приезжают в Киев. В результате большевистское правительство сразу же оказывается отрезано от большей части страны, так как главный узел железнодорожной коммуникаций в России – Москва, где возникает собственная, локальная власть (правые эсеры, опирающиеся на крестьян средней полосы, мещанство в городах и земские структуры). Под видом милиции создаются воинские формирования из бывших юнкеров и офицеров. Погон они пока не носят, но надеть их недолго. Жесткой кон-

фронтации с Киевом у Москвы нет, но указания (особенно военные) саботируются. Военный конфликт у Совнаркома возникает с Доном, казаками, отчасти он носит национальный характер. Казаки проводят частичную мобилизацию и держат границы Войска Донского. К формированию полноценной Красной армии Совнарком так и не приступает, опираясь на отдельные рабочие отряды и части Красной гвардии. Национальное движение на Украине не приобретает характера самостоятельной политической и военной силы: зачем стремиться к независимости, если власть над всей страной формально и так осуществляется из Киева, а в основном пытаются «украинизировать» Совнарком изнутри.

Декрет о земле работает по всей стране, становится данностью, но выгоду из него извлекает не только беднота. В деревне происходит консолидация «крепких хозяев». Поволжье и Урал ориентируются на Москву. Особого голода нет, земля возделывается, урожай в 18 году был неплохим. Город и село налаживают товарообменные операции. Наиболее сложная ситуация с продовольствием на северо-западе и в Питере, но это остается локальной проблемой и не определяет линию политического развития всей страны.

Здесь возникает естественный вопрос: а как же лидеры революции? Те самые легендарные титаны мысли и действия, о которых моему поколению рассказывали в детстве, и те, кому не посчастливилось, в силу различных причин, войти в советские учебники истории? Люди-то действительно были незаурядные. И здесь украду цитату у А. Гайдара: «Обыкновенная биография в необыкновенное время». Титаны революции в мире Новой Киевской Руси просто не состоялись, поскольку время оказалось недостаточно необыкновенным. Да, в октябре они совершили переворот. Но именно переворот, а не революцию! Поскольку и в РИ революция как слом прежней системы общественных отношений и замена ее новой системой продолжалась не одну ночь, а фактически пару десятилетий, и завершилась только к концу 30-х, когда строй более-менее устаканился. Так вот, в мире НКР у этих титанов не оказалось площадки приложения усилий. Не состоялась гражданская война – и нет легендарного ПредРевВоенСовета. Нет красного террора – нет его инструмента, и Дзержинский не становится именем нарицательным. И так далее. А возждь революции... Массы людей, общественные процессы, текущая жизнь огромной страны не подконтрольны его воле. Основными нервными центрами России все же были Москва и Питер, но никак не провинциальный Киев. В отрыве от этих центров можно было теоретизировать о текущих задачах, но не управлять процессами.

И вот постепенно происходит коллапс киевской власти. В принципе, она не очень-то и нужна в этой ситуации. Главный вопрос – о земле – решен, а дальше все устраиваются кто как может. Сильно просела промышленность, большинство крупных предприятий закрыты или чуть дышат. Военная продукция не нужна, для перехода на мирные рельсы нет средств. На этом фоне вопрос о национализации промышленности не особенно актуален. Наоборот, если что-то и продолжает «крутиться», то в результате частной инициативы. Начинается эпоха кустарей. На Украине все же возникает национальное движение, большевики с ним то воюют, то пытаются договариваться. Так проходит примерно весь 18 год, серьезной гражданской войны нет.

На Западе наступает поражение Германии. При заключении мира солируют французы (американцы не успели всерьез встать в войну). В результате Германия разделена на шесть государств, образована независимая Польша, распад Австро-Венгрии тоже оформлен. Колонии Германии поделены. «Обида» союзников на Россию существенно меньше, они заняты оформлением распада Германии.

Изменения к весне 1919 года.

На Северо-Западе – симбиоз выживания: русские губернии, прибалты и Финляндия. Главная проблема – снабжение продовольствием, политические и национальные вопросы уходят на второй план. Поскольку немцам было не до Финляндии, они в 18 году не направляли туда подготовленных в Германии финнов-егерей и дивизию фон дер Гольца. Гражданская война не

состоялась. В Питере по-прежнему живет много финнов, в Финляндии стоят русские войска, которые постепенно демобилизуются. И далеко не все вчерашние солдаты уезжают из Финляндии. И финны, и эстонцы по-прежнему сильно завязаны на работу в Питере. Регион пытается делать упор на свой промышленный потенциал и транзитное положение. Предприятия слегка «дышат», обслуживая местные интересы. Дешевизна производства привлекает шведов, и они размещают небольшие заказы на простую технологическую продукцию. Петросовет уже давно потерял связь с центральным правительством в Киеве, существенно обновился и погружен главным образом в вопросы выживания города.

Большевики в Киеве окончательно «сдулись». Людские резервы в основном у националистов, собственно, Россия живет «своей жизнью». Очень сильное сокращение населения Москвы и губернских городов – все, кто могут, уходят «на землю» или, по крайней мере, ближе к ней. Резкий промышленный спад, развал финансовой системы. Появление «местных денег», переход к натуральному хозяйству. Самоуправление. Престиж центральной власти крайне низок, за нее никто не борется.

Лето 19 года – первая польская война. Только что образованная волей победившей Антанты Польша пытается максимально раздвинуть свои границы. Момент для этого Варшаве показался подходящим. Соблазнившись кажущимся безвластием и слабостью России, поляки легко оккупируют западные области Украины и Белоруссии, Литву. В ответ русское общество как будто взрывается. Народ за почти два мирных года «отошел» от военных тягот. Фактически армии в России нет. Есть отдельные территориальные формирования различной политической ориентации. Но внешняя, тем более польская, угроза повсеместно воспринимается как национальное унижение. Возникают добровольческие формирования. Оружия и людей, которые умеют им пользоваться, более чем достаточно. Есть немало известных генералов, которые формируют из отдельных отрядов целые корпуса. В одном строю оказываются киевская Красная гвардия, донские казацкие полки, сводные дружины отдельных городов и губерний под командованием офицеров. Одна лишь Москва выставляет более 20 тысяч человек с артиллерией, бронепоездами и авиаотрядами. Хотя единого командования создать не удастся, командующие корпусами налаживают взаимодействие, и русские формирования легко выдавливают поляков примерно до «линии Керзона». Здесь вмешиваются союзники, которые видят в происходящем угрозу своему «польскому проекту». Совнарком легко идет на мирное соглашение с Варшавой, видя в этом возможность укрепить свою власть.

Активная часть населения и командование армейских формирований реагируют на это крайне негативно. Происходит всплеск общественной жизни в Европейской России и на Украине. Вспоминают про Учредительное собрание и, опираясь на военную силу, проводят в него новые выборы в Европейской части России, на Украине и в Беларуси. Урал и Сибирь польская война не затронула, и там на выборы не раскачались. В этих регионах сохраняется власть губернских советов/дум. В Средней Азии – расцвет байства, в Закавказье – мелкобуржуазные националисты.

В России, в губерниях, власть массово переходит к правым эсерам и ряду новых мелкобуржуазных партий регионального значения. Большевики отказываются сдать власть. Учредительное собрание проводит свое первое заседание в Москве и провозглашает «поход на Киев». Город взят фактически без боя ополченческими отрядами, защищать Совнарком оказалось практически некому, поскольку Красная гвардия отказалась сражаться против вчерашних братьев по оружию. Осенью 19 года в Киеве провозглашается новое государство – Новая Киевская Русь. Вопрос о переносе столицы не стоит. Питер ушел своим путем, Москва захирела. К тому же затевать новый переезд просто слишком затратно. Возникает Народная республика. Земля, поделенная по Декрету о земле, законодательно переводится в частную собственность. Принимается Конституция. Проводятся выборы в Государственную думу. Позд-

нее, в течение 20 года, оформились Балтийская федерация (три республики: Петроградская, Финляндия, Эстляндия), УралСиб как федерация местных губерний, ДВР. Закавказье в результате ряда военных конфликтов окончательно распалось на три республики, а Средняя Азия в виде формально независимых государств вошла в зону влияния УралСиб, южная граница которого проходила по линии Аральское море – Сырдарья – Балхаш.

Подобная государственная конфигурация более чем устраивала союзников, открывая им большие возможности для влияния на новые образования, манипулирования ими, проникновения капиталов и захвата рынков, поэтому они легко пошли на дипломатическое признание новых государств. Одновременно была выдвинута геополитическая теория отмирания крупных империй и стран и формирования государственности на национальной основе. Британцы при этом даже пошли на некоторую модификацию своего традиционно имперского мышления, путем придания властям колоний и доминионов большей степени самостоятельности.

Постепенное восстановление экономики и общественной жизни в НКР. Умеренная рыночная экономика, формирование многопартийной системы. В деревне происходит расслоение, «справные хозяева» становятся оплотом власти. Города, особенно небольшие, возрождаются, а из села вымываются неэффективные производители. В результате заводы и фабрики получают рабочую силу, а сельское хозяйство становится преимущественно фермерским.

Из последующей истории можно выделить:

Переселение немцев в НКР и УралСиб в 20-е годы. Крайне тяжелые экономические условия в Германии побудили до трёх миллионов немцев, преимущественно из числа промышленных рабочих, перебраться в Россию. Расселяясь сравнительно компактно, они сформировали костяк многих трудовых коллективов предприятий металлопромышленности и машиностроения.

Украинизация власти в НКР – две волны, в 30-е и 50-е годы. Одно из последствий – глава государства с 34 года называется Верховным гетманом, а министры – гетманами. Вообще, в государственной бюрократии задержалось некоторое количество украинских терминов, и многим это не нравится.

Вторая и третья польские войны, война с Турцией за свободу плавания в проливах.

Вторая польская война в 1935 году отчасти и была вызвана украинским креном в политике НКР. Тогдашний Верховный гетман практически сразу же после избрания заговорил об «исторической справедливости», необходимости воссоединения с «западно-украинскими братьями». Дальше – больше. Провокации на границе, взаимные обвинения, ноты протеста. Обстановка накалялась.

Решающую роль сыграло то, что доминировавшая в этот момент в Европейской политике Франция рассматривала Польшу как важный инструмент обеспечения собственной безопасности как в отношении германских государств – все же с окончания мировой войны прошло всего 15 лет, – так и против возможного усиления русской политики, выразителем которой (вот парадокс!) французы видели в этот момент именно Киев. В результате Польшу накачивали современным оружием и техникой, французские инструкторы готовили польских офицеров и военно-технических специалистов.

Первый удар нанесли поляки. Раздув один из рядовых пограничных инцидентов, они бросили через границу мобильный корпус из пары кавалерийских дивизий и нескольких полков легкой бронетехники. Удар наносился в Белоруссии. Делалось это скорее по политическим соображениям: в Варшаве считали, что украинское руководство НКР не воспримет такой поворот событий так же остро, как это было бы в случае вторжения на собственно украинские территории. Вот и сошлись под Минском польские легкие танки французского и английского производства с аналогичными русскими бронемашинами, сделанными, правда, в Харькове, но по тем же образцам.

Силы оказались все же неравными. Русский офицерский корпус имел в своем составе немало ветеранов Великой войны, и армия НКР сначала остановила поляков, а затем и отбросила к границе.

Дальше – по традиции: сначала переговоры при посредничестве Парижа, а затем и очередной мирный договор, в долговечность которого не верила ни одна из сторон. Славяне очередной спор между собой не закончили, а лишь прервали.

В Киеве из случившегося сделали серьезные выводы. К следующей войне готовились все-разрез: развивали военное производство, накапливали оружие, учили войска. Ждали лишь благоприятного момента.

Он наступил в конце 43 года, когда Франция и Великобритания наконец сцепились между собой из-за влияния на Ближнем Востоке. Спор касался контроля над нефтяными месторождениями и маршрутами доставки нефти. Сначала в конфликтах участвовали туземные формирования, но градус напряженности между Парижем и Лондоном резко повысился. Велась реальная военная подготовка, стягивались флоты, командование авиации обеих стран всерьез изучало возможность нанесения бомбовых ударов через Ла-Мани. До Польши ли тут.

И Киев нанес удар. Основное направление наступления было с польско-украинской границы на северо-запад, вдоль течения основных польских рек с выходом на Варшаву и дальше к Балтике. Вспомогательный удар – от Минска строго на запад. Сначала пал Люблин, за ним и Варшава. На этом пришлось остановиться. Британцы и французы как-то очень быстро забыли о своих противоречиях и совместно надавили на Киев. В Черное море вошел совместный «миротворческий» флот. Вскоре силам «миротворцев» пришлось передать и контроль над польской столицей. По условиям окончательного мирного договора НКР перешили территории примерно с 12 млн населения, приобрела независимость Литва, а на Польшу были наложены серьезные военные ограничения. На этом «польский вопрос» в военном плане для НКР был закрыт.

Вместо Второй мировой войны произошел ряд региональных конфликтов. В отсутствие глобального военного противостояния техническое, экономическое и социальное развитие происходили значительно медленнее, чем в РИ. В первую очередь это касается транспорта, электроники, средств связи. Вообще, все в мире происходит как бы медленнее и ровнее, а отношения между людьми и странами сохранили налет патриархальности.

Вступление

Европа середины 30-х годов... Как мало она походила на тот мир, который существовал до Великой войны. После Версальского мира 1918 года, казалось, вернулись времена Наполеона, когда Париж мог диктовать свою волю всему континенту. Победители Наполеона – три великие империи – разорваны в клочья. И если наследники двух из них сумели сохранить хотя бы формальную независимость, постепенно восстановили, а затем и превзошли довоенный уровень экономического развития, то германцы так и остались в подчиненном состоянии. Ограничения мирного договора, подкрепленные французскими штыками, сначала отбросили назад экономику шести германских государств, а затем препятствовали ее развитию и модернизации. Немцы не столько жили, сколько выживали.

На их фоне жители Балтийской федерации выглядели более чем благополучно. Довольно неожиданный альянс трех составных частей: северных губерний Европейской части России во главе с Петербургом (Псковская, Новгородская, Олонецкая), Финляндии и Восточной Прибалтики (Эстляндия, Лифляндия и Курляндия) оказался вполне успешным.

В немалой степени этому способствовало то, что этот регион очень мало пострадал от событий первых послереволюционных лет. После отъезда Совнаркома Питер «погрузился в спячку». Киев был слишком далеко и не мог влиять на ситуацию в бывшей столице. А у ее жителей возникло ощущение, что их просто бросили перед угрозой германского вторжения. Массового бегства представителей «эксплуататоров» на Юг не было, а революционный пыл рабочих окраин постепенно сходил на нет: надо было работать и зарабатывать на хлеб насущный. Важным отличием от РИ стало то, что Балтфлот зимой 1917/1918 года так и остался в Ревеле и Гельсингфорсе, и город не получил дополнительную революционную инъекцию в лице балтийских моряков. Напротив, наиболее активные революционные кадры покинули город вслед за Совнаркомом. Город после этого чуть не захлестнула волна анархии и грабежей. Дошло до того, что жители отдельных домов, а затем и улиц начали создавать отряды самообороны. Формировались они совсем не по классовому признаку: часто бок о бок ночное дежурство несли бывший офицер, студенты и только что вернувшийся с фронта простой солдат. Объединяло их желание защитить собственные семьи, жившие на разных этажах, в разных условиях, но в одном доме. Началось все с элементарного поддержания порядка, а затем процесс пошел дальше.

Никто не отменял и задачи управления городом, снабжения его продовольствием, топливом и прочими необходимыми припасами. А поскольку прежние структуры – частные и государственные – были далеко не до конца разрушены, к весне 1918 года окончательно сформировалась линия на восстановление классического буржуазно-демократического строя. То, что орган городской власти назывался Советом, мало что значило. Важно было другое: кто в нем заседал и работал в его аппарате и органах. Фактически именно туда плавно перетекли наиболее опытные и знающие кадры бывших царских министерств, столичных учебных заведений и крупных компаний. Среди управленцев и научно-технической интеллигенции бывшей столицы широкое распространение получила теория местного возрождения: наладим дела в Питере, а затем займемся всей Россией. Знания, опыт и профессиональные навыки этих людей недооценивать не стоило. Напротив, революционные события 1917 года как бы очистили «правящий класс» от устаревших патриархальных наслоений и элементов, многие из которых к тому же играли уже чисто ритуальную роль. В Питере, таким образом, реально победила буржуазная революция, и к осени 1918 года в Петросовет в основном уже входили представители прежнего правящего класса. Так что переименование его в конце 1918 года в Городскую думу особого удивления у горожан не вызвало.

Именно лучшие управленческие кадры прежнего режима фактически спасли город зимой 1918/1919 года, обеспечив его – пусть и по минимуму – продовольствием и топливом. Одной из самых нетривиальных задач при этом было обеспечение судоходства в Финском заливе и расчистка фарватеров от минных заграждений. Тонкие ручейки зарубежных поставок текли в город через порты Риги и Або (Турку) даже после того, как залив окончательно замерз.

Позднее период до середины 20 года будут называть кто «эпохой выживания», кто – «эрой губерний». И то, и другое будет правильным. Питерские заводы действительно выжили в отсутствие национальной твердой валюты, при нарушенных внешнеторговых связях, прекращении военных заказов, на которые были переориентированы все основные промышленные предприятия, сокращении внутреннего спроса. Через такое «сито» сумели пройти только наиболее эффективные менеджеры-управленцы и гибкие производства. Ну и фактор везения тоже никто не отменял.

Оплаченный заказ, тем более иностранный, стал в это время счастьем для заводчиков, их инженеров и рабочих со всеми чадами и домочадцами. Стоит ли говорить, что соседи-шведы, вечные друзья России – британцы, да и другие попользовались ситуацией. Шведы к тому же еще и выбирали: размещать заказы в Питере или на германских заводах.

Компании и заводчики разорялись, но базис – «железо» питерских производств – оставался на месте и был «корнем» если не новых дворцов северной Венеции, то хотя бы куска хлеба для ее жителей.

Так что именно Питер с его заводами и фабриками стал как бы «точкой кристаллизации» для всего Восточно-Балтийского региона.

Антирусская волна в Финляндии быстро схлынула. С одной стороны, она не получила подпитки из Германии, с другой – внутреннее развитие в Финляндии все же не перешло рубежа братоубийственной гражданской войны. Социал-демократы и аграрии сумели выстроить хрупкий баланс взаимных отношений, кровь не пролилась, и просто не было нужды маскировать внутренние разборки «войной за освобождение». Да и Россия неожиданно в одночасье оказалась не та: Питер вдруг стал окраиной прежней державы, столетняя угроза с Востока – когда явная, а когда мнимая – растаяла как дым. Тяготевшие к Питеру 2–3 губернии русского севера и северо-запада по численности населения, правда, раза в два превышали тогдашнюю Финляндию, но с учетом их состояния никакой серьезной угрозы ей нести не могли. Население Питера сократилось с довоенных двух миллионов достаточно существенно, но все же не в три раза, как в РИ. А жить как-то было надо, и в этом плане Питер по-прежнему оставался местом, где несколько десятков тысяч финнов зарабатывали свой хлеб. Здесь стоит пояснить, что до революции именно Санкт-Петербург и Россия в целом были для Финляндии и ее жителей своеобразным аналогом Нового света. Финнов спасал Питер, русские заказы, строительство в Финляндии на русские деньги и возможность зарабатывать на разнице в таможенном тарифе.

Ну а уж если и финны вели себя мирно, то на южном берегу Финского залива тем более никому не приходило в голову вступать на путь конфронтации.

Но, главное, не было большой крови, вызванной взаимной ненавистью. Совсем без стрельбы не обошлось: слишком дешево стоила в глазах людей человеческая жизнь после такой войны, но до ситуации, когда идеологические споры решаются пулей, дело все же не дошло. Так что большинство конфликтов могли квалифицироваться как борьба бандитов с законной властью без примеси политики.

Так и сложилось к середине 20 года странное государственное образование из трех относительно самостоятельных республик: Финляндской, Петроградской и Эстляндско-Лифляндской. Как обычно бывает в таких случаях, каждый из участников рассчитывал приобрести какие-то преимущества от этого союза, и надо сказать, что эти ожидания в значительной степени сбылись. Одним из самых мудрых шагов отцов-основателей этого странного союза было решение отказаться от каких-либо национальных квот при выборах единого парламента и фор-

мировании органов исполнительной власти. Далось это решение очень тяжело, но в дальнейшем именно оно обеспечило успех интеграции, которая проходила в том числе и по политической линии.

К началу 30-х годов государство уже довольно твердо стояло на ногах. Но общемировой экономический кризис не мог не затронуть и Балтийскую федерацию. Закрывались предприятия, росла безработица. Внутренний спрос на промышленную продукцию сокращался, конкуренция с соседями становилась все более жесткой. Сельское хозяйство пока держалось в основном за счет молочного животноводства. Какое-то время фермеры БФ ориентировались на ввоз удобрений из Южной Америки, но стоимость транспортировки слишком задирала цены на прибалтийское зерно. Требования крестьянских союзов о введении заградительных импортных пошлин не поддерживали промышленники. Они опасались ответных мер в отношении своих товаров, были заинтересованы в более низких ценах на аграрную продукцию, да и переток рабочей силы из аграрного сектора в промышленный в целом отвечал их интересам.

Население прибрежных городов БФ быстро росло. Вот только большинство приехавших в город вчерашних крестьян работы найти не могло. Среди безработных конкуренцию им составляли недавно уволенные с сокращающих свое производство заводов рабочие. Обстановка в обществе накалялась.

Часть первая

Глава первая

Май 1936 года.

Министр внутренних дел, попрощавшись, покинул кабинет, и Канцлер остался наедине со своими размышлениями. Шум традиционного летнего бала «золотых выпускников» почти не достигал его апартаментов в служебном крыле Зимнего дворца. Обязательный проход по залам в начале приема он уже совершил, с иностранными послами коротко раскланялся, и дальнейшее его участие в приеме протоколом уже не регламентировалось. Времена все же теперь были не прежние – императорские, когда каждый шаг властителя в подобной ситуации был расписан давно и обязательно.

«Еще одно преимущество демократии! – горько усмехнулся про себя Канцлер. – Других вот только не вижу».

Доклад министра хоть и не содержал в себе ничего нового, но как бы в концентрированном виде продемонстрировал ему все грядущие неприятности.

Он долго откладывал этот разговор и только сегодня утром, повинувшись какому-то непонятному импульсу, назначил министру встречу во дворце во время приема. Даже если это и удивило старого служаку, получившего свой первый полицейский чин еще при Столыпине, тот не только не показал этого, но даже вел себя так, как будто нет более удобного и подходящего фона для рассуждений о наступающем кризисе, чем звуки музыки близкого бала.

Собственно, ничего нового от министра Канцлер не услышал. Слово «кризис» было на слуху у всех и звучало чуть ли не в каждом разговоре. Только вот если, говоря о кризисе, министр торговли и промышленности оперировал сухими цифрами падения производства в различных отраслях, ростом числа безработных и банкротств, а министр финансов, в свою очередь, сетовал на катастрофическое падение доходов бюджета, то цифры министра внутренних дел касались проблем несколько иного рода.

Взрывоподобный рост преступности – как мелких грабежей на улицах ради куска хлеба, так и крупных экономических преступлений. Муниципальные биржи труда, прекратившие регистрацию новых безработных, поскольку у местных властей просто нет денег на выплату даже мизерных пособий уже зарегистрированным. Недовольство во всех слоях общества, поскольку ни государство, ни местные органы власти не в состоянии выполнить все свои бюджетные обязательства.

– В результате в бюджетной сфере жалование выплачивается с задержкой на 1–2 месяца, в том числе и в полиции! – В этой части своего доклада министр сделал эффектную паузу и продолжил: – И в то же время мы наблюдаем резкую активизацию подпольных организаций левого и анархистского толка. Все же со времен последней революции прошло уже почти 20 лет, что-то подзабылось, да и молодежь радикальная подросла.

Далее он опустил глаза, помолчал и с явным трудом произнес:

– Я вспоминаю пятый год, Ваше Высокопревосходительство. Я как раз накануне поступил служить письмоводителем в участок на Пресню. Юн был, не все понимал, но то, что тогда увидел, до конца жизни буду помнить. Даже в 17 году по-другому было. Тогда хотя бы было понятно, что война мужиков ожесточила. А в 905-м такой резкий переход: от спокойной мирной жизни – вдруг баррикады... И вот что я Вам скажу, слава богу, что у нас сейчас треть страны – чухонцы. Русские мужики уже бы и красного петуха нам пустили. Что-то надо решать. Если мы сейчас не подомнем под себя ситуацию, то нас сметет очередным потоком.

И замолчал. Про необходимость увеличения штата полиции, ассигнований на случай беспорядков, ввод в крупные города дополнительных воинских контингентов было сказано ранее. Вот только не знали ни Канцлер, ни министр, где им взять эти надежные воинские контингенты. Вооруженные силы БФ были вообще немногочисленны: в военном развитии упор делался на флот, береговую оборону и зарождающуюся авиацию. Соседи на суше – Швеция на крайнем севере, Литва, НКР и УралСиб в качестве угрозы никогда не рассматривались, а армия – она денег стоит. Тем более флот, который и съедал 80 % военных расходов. Так что сухопутные силы были в основном представлены кадрированными бригадами: три в Финляндии, по одной в Эстляндии, Лифляндии и в каждом из русских губернских городов. В Питере, правда, таких бригад было две. Так что, выражаясь языком минувших лет, на усмирение вызывать было фактически некого.

Оба молчали и явно вспоминали те времена, когда в распоряжении хозяина Зимнего дворца были и гвардейские полки, и казачьи сотни, да и много всего другого. Но это все было в прошлом. Фраза же про чухонцев, произнесенная в этом кабинете, была вопиющим нарушением принятых в обществе норм поведения и сказала Канцлеру намного больше, чем все остальные выкладки министра. Кстати, сам он был потомком обрусевших финских шведов с немецкими корнями, ставших подданными империи лишь в начале XIX века, после вхождения Финляндии в ее состав. Но на родившегося в Москве министра внутренних дел он вовсе не обиделся: умел ценить искренность и увидел в его словах лишь боль за сложившуюся ситуацию. Да и прав он был, по сути, что уж там говорить.

Намного хуже было то, что министр еще не все знал.

Еще полгода назад Канцлер переориентировал все службы зарубежной разведки БФ фактически на финансово-промышленный шпионаж. Дело шло туго, далеко не все разведчики и их руководители поняли необходимость такого шага, доходило до откровенного саботажа. Но сейчас первые результаты уже появились. И теперь Канцлер знал, что в ближайшие недели рынки северогерманских государств закроются для металлов и промышленных товаров традиционного экспорта русских государств. Для БФ это означало закрытие ряда питерских заводов и сокращение перевозок транзитных товаров из НКР и УралСиба судами своих парокходств. Падение доходов, банкротства и новые безработные. А если после этого под давлением французов они закроют и свои зерновые рынки? Тогда иссякнет денежный ручеек, который образовывался от транзита зерна из Поволжья. Суда останутся у причалов, а моряки без зарплаты – на берегу.

«Прямо натуральное хозяйство какое-то в Европе воцаряется! – с горечью подумал про себя Канцлер. – Как они там с ним будут выкручиваться – их дело. А вот у нас база для такого хозяйства не очень. Уж слишком завязаны на внешние рынки и транзит. Даже прокормить себя хлебом не сможем».

Он подошел к окну, выпрямился во весь свой гвардейский рост и посмотрел на Неву. Было светло. Белые ночи. По реке мимо дворца как раз проходил караван речных судов. Пока еще с грузом. Торговое судоходство стало практически визитной карточкой БФ. Причем именно на судах произошло полное стирание национальных границ: в экипажах можно было встретить и русских, и финнов, и эстонцев. Как ни странно, такие смешанные экипажи имели очень высокую репутацию, поскольку сплав различных национальных качеств давал в результате высокую работоспособность и ответственность.

«В порт идут. Кто бы мог подумать, что придется столько заниматься финансами, торговлей, мореплаванием. Вот ведь как судьба повернулась!»

И поймал себя на том, что уже давно думает про себя только на русском языке.

«А когда я вообще в последний раз думал на родном-то? Да и вообще, он сейчас язык одного из потенциальных противников. Хорошо бы еще прибить свой герб на воротах Сток-

гольма!» – Канцлер вновь усмехнулся и вдруг замер. В этой мысли явно было что-то такое, что стоило обдумать.

А бал в Зимнем продолжался. Только он очень отличался от прежних. Вместо высших сановников, генералов и знати империи наступление лета во дворце отмечала молодежь – почти 2 тысячи золотых медалистов из гимназий и реальных училищ Питера, Гельсингфорса, Ревеля, Риги, Новгорода и Пскова, других городов и крупных поселков. Такие же балы в этот день проходили и в зданиях ратуш в других университетских центрах страны. Каждый золотой медалист получал право посетить такой бал, а затем и стать студентом одного из университетов. В Питере «золотую молодежь» приветствовали Канцлер, министры и дипкорпус, в других городах – главы местных администраций. Все было очень серьезно: речь шла о будущем страны.

Обычай «золотых балов», как, впрочем, и многое в государстве, был достаточно юн, и его родоначальником был именно нынешний Канцлер. Вообще, надо сказать, что именно с его избранием пять лет назад многое в стране стало меняться в лучшую сторону. Более того, сейчас уже мало кто помнил имена двух его предшественников на этом посту. Именно монументальная фигура этого старого кавалерийского офицера, немногословного заслуженного ветерана былых войн, балтийского инородца на службе империи стала как бы символом его должности и не вызвала отторжения или подозрительности у граждан сравнительно небольшой, но многонациональной страны ни по своему происхождению, ни по своим заслугам, ни по очевидным для всех качествам государственного руководителя. Больше того, было непонятно, почему он сразу не стал Канцлером после введения этой должности в середине 20-х годов.

Канцлер, конечно, имел ответ на этот вопрос, но предпочитал его не афишировать. Тогда он просто не видел себя государственным деятелем. Один из многих генералов бывшей царской армии, он стал и одним из создателей объединенных вооруженных сил будущей БФ. Происхождение работало в его пользу, но главное – фантастическая работоспособность и выдержка. Тогда еще в вооруженных силах БФ существовали впоследствии отмененные именно по предложению Канцлера военные округа. Он командовал Финляндским и сделал все, чтобы округ не превратился в собственно финскую армию.

Канцлер, тогда еще генерал-лейтенант, не сразу пришел к подобному решению. Соблазн окончательно отколоть Финляндию и построить независимое государство был велик. На другой чаше весов была возможность создать не в пример более мощное государство, в котором финны были бы не в положении «младших братьев» – как все предшествующие века в истории этой нации, – но стали бы фактически одним из государствообразующих народов. Не одна бессонная ночь прошла в мучительных раздумьях, и в конце концов будущий Канцлер выбрал для себя паллиатив: строить новую Финно-Ингрию. Мысль о том, что вторая, «ингерманландская» составляющая такого государства весьма условна и, по сути, регулярно будет пытаться доминировать в новом государстве и ментально, и физически, он постарался отодвинуть в глубину подсознания. А может быть, все было намного проще, и он слишком любил Санкт-Петербург, город своей молодости и удачи.

Но выбор был сделан, и с этого дня будущий Канцлер неустанно шел к первой намеченной цели: стать неформальным лидером финского населения.

В условиях мирного времени генералу это было непросто. Уж кого-кого, а политиков разного толка в финских провинциях к этому моменту хватало. Часть из них, правда, отсеялась, заняв с самого начала непримиримую позицию в отношении «новой восточной политики» – именно так называли идею объединения ее сторонники.

Во главу угла, как и следовало ожидать, они поставили соображения реальной выгоды, отставив в сторону эмоциональные аргументы из сферы политики, национальной идентичности и культуры, на которые, собственно, и делали упор «отцы-основатели» финской нации в конце XIX века. Не отрицая «культу Сампо», Канцлер и его сторонники предложили сооте-

чественникам всерьез задуматься, за счет чего им жить дальше. Идти своим путем? И повторить трудную дорогу соседей-скандинавов, которые еще совсем недавно «сбрасывали» избыток населения за океан?

Конечно, в изменившихся условиях многое поменялось, но появлялись и новые возможности. Финский капитал, который раньше и близко не мог равняться с русским, вдруг понял, что после всех революционных неурядиц он может занять совсем иные позиции на российском рынке. Новые и старые владельцы питерских заводов с удовольствием, например, нанимали управленческий персонал из Финляндии, получая фактически костяк заводских коллективов. Новые масштабы задач, конечно, сначала пугали, но национальное упорство и трудолюбие позволяли внедрить на производстве трудовую мораль семейного типа. Такой подход не только снижал накал классовой борьбы, но и улучшал чисто экономические показатели производства. И это только один из примеров.

Так что как глава движения «новой восточной политики» генерал опирался на реальный экономический интерес промышленников. Ну и деньги, естественно. Без них много не сделаешь.

А тем временем постепенно формировалась новая государственная машина. Коллегия уже дважды выбирала канцлеров из числа политических мэтров еще дореволюционного разлива, но все это было не то. Уж слишком много во власти было разговоров о демократии, и слишком медленно происходили реальные изменения в жизни страны. Кто-то потом утверждал, что 20-е годы были потеряны для развития БФ. Но это было не так. Это был подготовительный период. Людям надо было привыкнуть к новой действительности, притереться к ней, чтобы сделать потом шаг вперед.

Именно в этих условиях генерал пошел на выборы и стал Канцлером. Несмотря на солидный возраст, он не боялся изменений, понимал их необходимость и умел подбирать людей, которые могли бы их осуществить. Это, собственно, и было его самой сильной стороной.

К числу крупнейших достижений Канцлера следовало бы отнести национальную политику. Выдвинутый им лозунг: «Балтика – наш общий дом!» – так бы и остался пустым лозунгом, если бы он не был подкреплен реальным равенством граждан федерации. За любой отход от этого принципа Канцлер карал безжалостно, подчеркивая, что речь идет о сугубо конкретной материальной выгоде. «Поодиночке нам не выжить! – не уставал повторять он. – Соседи сожрут!»

Времена в XX веке вроде бы уже позволяли не бояться откровенного политического каннибализма, и тезис Канцлера кое-кто про себя ставил под сомнение, но, брошенный в массовое сознание и подкрепленный историческими примерами, он все же встречал понимание у большинства. Финны при этом вспоминали далеко не лучшие в своей истории годы шведского владычества, когда их охотно использовали как пушечное мясо в составе шведских полков, а в случае уж совсем крайней нужды по приказу из Стокгольма просто вывозили из финских соборов всю утварь из драгоценных металлов на нужды очередного шведского короля. Псковичам и новгородцам тоже было чего припомнить грозным московским великим князьям, положившим конец своеобразному и успешному развитию их республик. Латыши и эстонцы, в свою очередь, немцев, конечно, уважали, но предпочитали делать это на расстоянии.

К середине 30-х годов старая притча о венике, существовавшая, похоже, примерно в одном и том же виде у самых разных народов, опять стала актуальна.

В Европе опять запахло порохом. Разделенная Германия так и не могла выйти из затянувшегося кризиса. Послевоенные репарации практически раздели немцев, но и с завершением их выплаты намного легче не стало. На рынках доминировали английские, французские и даже американские товары, собственная германская промышленность никак не могла встать с колен. Нужны были инвестиции для обновления производства, внедрения новых технологий, замены оборудования и обучения персонала. Американцы, может быть, и вложились бы сво-

ими средствами, но французы слишком дорого заплатили за прошлую победу. Их противодействие восстановлению германской экономики становилось все более беспардонным и жестоким. Чуть что – сразу угроза применения силы вплоть до ввода войск.

В германских государствах царил беспросветный. Эмиграция нескольких миллионов человек в НКР и УралСиб принципиально ситуации не изменила. Фактор разделения на отдельные государства мало что менял в психологии немцев: многие из нынешних стариков родились, в конце концов, во времена, когда Германия еще не была объединена гением Бисмарка. И это не помешало ей тогда разбить все тех же французов, которые сейчас диктовали им каждый шаг.

Заговоры, политические проекты объединения под тем или иным флагом, партии «национального единства» возникали и жестоко пресекались властями по требованию всесильного соседа. В этой мутной воде рыбку пытались выловить многие. Не гнушались и прежние союзники Парижа. В Лондоне, например, прикладывали немало сил для того, чтобы внимание французов было привлечено именно к германским государствам. А тем временем зоны французских колониальных интересов неуклонно сокращались. Прежде всего это происходило на Ближнем Востоке. Правда, и на британцев все сильнее подавливали «кузены» из-за океана.

Так что нерешенных вопросов было много. Другое дело, что решать их путем глобального столкновения основные игроки все же опасались. Предпочтительным казался путь малых конфликтов и войн, под прикрытием которых можно было бы устроить небольшой передел мира. Этим путем и пошли.

Первой на призыв «слегка повоевать» откликнулась Польша. Получилось, однако, как всегда.

На другом конце Европы, в Испании, полыхнуло на следующий год. Для Европы страна была откровенно отсталой, и дело началось, как классическая буржуазная революция. Монархисты, однако, уперлись, организовали контрпереворот, подтянули на помощь итальянцев. Обе стороны рассчитывали на быструю кампанию, а в результате война затянулась и ее исход пока был неясен.

Сейчас, в мае 36 года заваруха в далекой Испании еще только началась, а Канцлер стоял у окна Зимнего дворца, смотрел на Неву, и почему-то в памяти его всплывали военные марши его далекой офицерской молодости. Перед его мысленным взором проходили картины находящегося на противоположном берегу Балтики Стокгольма, а голова пухла от бесчисленного множества вариантов выхода из кризиса, которые ему подбрасывали со всех сторон.

Глава вторая

«Таким образом, на современной карте Европы образовалось шесть германских государств. Но их нынешний облик, политика и перспективы дальнейшего развития германского вопроса станут предметом следующей лекции».

Последние слова как всегда блестящей лекции по современной европейской истории профессора кафедры международных отношений Санкт-Петербургского университета Германова были произнесены буквально за две минуты до звонка, что оставило возможность слушателям наградить лектора искренними аплодисментами. Профессор был действительно хорош. Он не просто читал свой курс – он разыгрывал на трибуне целое представление. И пусть приводимые им цитаты могли быть не совсем точны, а выводы – не всегда бесспорны, но это было красиво. Настолько красиво, что слушать профессора Германова приходили студенты – и особенно студентки! – даже с других факультетов. Как говорится, заслушивались и засматривались, поскольку и внешне он выглядел вполне импозантно.

Профессору такое внимание льстило, восхищенные взгляды аудитории каждый раз вдохновляли его на новые метафоры, неожиданные глубокие выводы, парадоксальные суждения. Да и предмет свой, что уж там говорить, он знал блестяще.

В его случае несомненный талант соединился с большой и целеустремленной работой исследователя. Еще до Великой войны студентом он пробовал себя в литературе, причем не в модной тогда поэзии, а в совершенно новом, малоосвоенном жанре фантастики. Но за первыми литературными попытками продолжения не последовало. Затем был фронт. Удача сопутствовала молодому сначала вольноопределяющемуся, а затем и офицеру. Весьма достойный набор наград, ни одного ранения, а после войны – завершение занятий в университете, ассистент на кафедре, диссертация, приват-доцент, профессор. Публикации в научных журналах, соавторство в сборниках, несколько собственных монографий. Поговаривали, что в ближайшее время Германов может возглавить одну из кафедр на факультете всемирной истории.

Предметом особого интереса Германова была именно послевоенная Европа, и особенно Германия в ее нынешнем разобленном и униженном виде. Профессор как бы всесторонне препарировал германский вопрос, брал в качестве тем для своих исследований не просто экономику и политику новых германских государств, но старался проникнуть в суть подспудных течений их жизни, выявить возможную мотивацию линии поведения и, главное, спрогнозировать, куда, как и зачем будет дальше двигаться ныне разделенная Германия.

Трудно сказать, что помогало ему: действительно глубокие знания предмета, способность к научному анализу или юношеское увлечение фантастикой, но результаты его прогнозов поражали. Коллеги, случалось, ворчали на него, обвиняя в популяризации науки, но читать работы Германова было действительно интересно. К тому же смелые нестандартные прогнозы имели тенденцию сбываться. И одно дело, если речь шла о политических комбинациях в руководстве того или иного германского государства, но совсем по-другому звучало недавнее пророчество Германова: если Антанта не прекратит жесткого давления на немцев, то они не только уже очень скоро опять объединятся, но и попробуют взять силовой реванш за поражение в Великой войне.

В результате сугубо научная статья, в общем-то, скучный материал с большим количеством статистических данных, цитат, отсылок к германским источникам, превратилась в газетную бомбу. Германову, конечно, пришлось, как он сам ехидно замечал, адаптировать ее для просвещенной публики, однако результат принес ему пусть и короткую, но все же славу профессора-пророка.

Ректор университета, правда, не очень доброжелательно оценил подобную известность и на очередном заседании ректората, куда специально пригласили профессора, попросил его все же стремиться оставаться в рамках традиционной научной деятельности. Впрочем, славы Германову в стенах университета это только прибавило.

Стоит ли удивляться, что женская часть аудитории непременно делала стойку на импозантного, обаятельного, неизменно обходительного с дамами профессора. Наличие супруги и двоих детей не мешало ему достаточно пылко отвечать на наиболее искренние проявления романтических чувств самых ярких представительниц мира университетских дам. Слухи об этом настолько устойчиво циркулировали в стенах университета, что и слухами-то, собственно, уже не являлись. А была это уже очевидная всем реальность.

Вот и после нынешней лекции профессор заметил, что в круговороте расходящихся слушателей у выхода из зала явно чего-то ждет доселе неизвестная ему яркая и высокая блондинка.

«Студентка другого факультета? По виду лет 25, если не старше... Интересная... Одета дорого, но скорее по-офисному. Нет, не наша, не университетская. Но это даже и лучше. От последней дурочки с третьего курса еле избавился. Всерьез решила, что станет музой моего научного таланта. После второй встречи на Фонтанке было уже совсем скучно. Чуть не бегал от

нее потом две недели... Нет, более зрелый возраст имеет свои преимущества. Жаль, что Ирина уехала со своим капитаном в Або...», – мысли профессора не мешали ему вести параллельно беседу сразу с десятком студентов, отвечая на их уточняющие вопросы.

Он любил такие легкие разговоры после лекций. С одной стороны, он еще не совсем «остыл» и выдавал им достаточно любопытные сентенции (кое-что стоило запомнить для последующего использования), с другой, он привык на каждом курсе собирать вокруг себя «костяк» – до десятка наиболее активных, целеустремленных и одаренных студентов. Профессор был уверен, что именно такие люди и делают карьеру, а он хотел долгой успешной игры. Кто знает, может, кое-кто из его восторженных слушателей через 10–15 лет будет крепко сидеть в МИДе или канцелярии Канцлера. Глядишь, старое знакомство и пригодится, или, используя пришедшее недавно из-за океана модное слово, инвестиции в людей чаще всего ничего не стоят, но дают наибольшую прибыль.

Что же касается чисто мужского взгляда на ситуацию... Хотя человеком профессор и был обстоятельным и предпочитал долговременные, надежные и проверенные отношения, но иной раз позволял себе увлечься очарованием молодости. С приходом профессорства и связанного с ним материального благополучия он решил более солидно обустроить и эту сторону своей жизни. Семейный очаг профессора на Васильевском острове, может, и был несколько прост не по чину, но имел то преимущество, что был близок к университету. А вот на Фонтанке профессор приобрел блок – на полноценную квартиру денег все же пока не хватило.

Здесь надо сделать небольшое отступление и рассказать о состоянии дел с жильем в городе.

Питер середины 30-х годов по составу своего населения, естественно, существенно отличался от довоенного, а по численности и не дотягивал до его уровня. Перестав быть столицей великой империи, город постепенно растерял и большую часть тех своих жителей, которые существовали исключительно за счет использования прибавочной стоимости, производимой на всем пространстве огромной страны. Многие из тех, кто раньше служил власти, кормился вокруг нее или просто находился в сфере ее притяжения, тоже нашли себе места покомфортнее. Питерский гнилой климат с изменением государственного устройства все же остался неизменным. В результате огромные шикарные квартиры в центре города стояли пустыми и продавались через одну, но покупателей на них почти не было. И тогда в городе придумали блоки. По сути, громадную барскую квартиру делили на несколько небольших (как правило, из 2–3 комнат) с минимальным набором санитарных удобств (умывальник и душ) и крохотной кухней. Что же касается ванной комнаты и туалета, то они, как правило, оставались общими для всей квартиры, так же, как и огромная кухня, при которой, обычно, проживала и состояла и «квартирная хозяйка» – фактически прислуга, выполнявшая самый широкий набор услуг по уборке, стирке, готовке и т. д. – уже по дополнительной договоренности.

Поскольку новое строительство в городе велось весьма ограниченно – жилья в целом хватало, и продавалось оно с трудом, – то такие блоки, да еще и в центре города, оказались весьма востребованы представителями нижней прослойки среднего класса: невысокого ранга чиновничеством, начинающими и мелкими предпринимателями, техническим составом производств и даже квалифицированными рабочими. Стоимость такого жилья сильно варьировалась в зависимости от местоположения, самих домов, площади и уровня комфорта блоков, но идея была принята в городе, творчески осмысленна и использовалась широко и разнообразно.

Вот такой небольшой блок из двух смежных комнат с душем и китченетом и приобрел пару лет назад профессор, оборудовав там не только «гнездо порока», но и небольшой кабинет, где он иногда работал. Первоначально кабинет предназначался скорее для того, чтобы произвести впечатление на очередную гостью. Антураж был подобран соответствующий: пара старинных книжных шкафов с фолиантами (этого добра в городе хватало, продавали за сущие копейки), несколько дипломов и фотографий со знаменитостями на стенах, кожаный

диван (полезная оказалась вещь, кто бы мог подумать). Но выяснилось, что там действительно хорошо писалось, когда речь шла о срочном и денежном исследовании в частных или государственных интересах. Иной раз было неплохо начинать короткое романтическое свидание именно у заваленного бумагами письменного стола. Идея, одним словом, себя оправдала на все сто.

Вот и сейчас, поглядывая время от времени на таинственную незнакомку, Германов вспоминал, как у него там, в блоке, наполнен винный погреб. За остальным – чистотой и своевременной уборкой – следила Лииса, финка из Куопио, содержавшая все четыре блока, составлявшие бывшие генеральские хоромы, в образцовом порядке.

Постепенно народ вокруг профессора рассосался, и он не спеша двинулся к выходу, выстроив линию своего движения так, чтобы оказаться как бы нечаянно вблизи симпатичной незнакомки. Ухищрения, впрочем, не понадобились. Она первая обратилась к Германову.

– Профессор? Вы уже освободились? Благодарю за лекцию. Тот самый редкий случай, когда сам процесс выполнения служебного задания доставляет удовольствие. Правда, когда я училась в Берлине, там несколько иначе трактовали мотивы французов при окончательной нарезке границ между германскими государствами, но здесь надо делать скидку на очевидную обиду немцев – им действительно многое порушили и в плане инфраструктуры, и в отношении промышленной кооперации. Собственно, так и было задумано. Французы своего не упустили.

Германов насторожился и еще раз пригляделся к собеседнице. Все же не 25, а ближе к 30. Но ухожена и очень недешево одета. И уверенность в себе – какая там студентка. Эта особа твердо стоит на ногах, сразу видно. Собственно, в ее замечании ничего особенно оригинального не было, но намек: училась в Берлине. И служебное задание! «Это кого же принесло на мою голову? Впрочем, одно не исключает другого. Попробовать не мешает».

– Совершенно с Вами согласен, – он как бы умышленно пропустил мимо ушей слова девушки о служебном задании, продолжая эксплуатировать образ погруженного сугубо в науку и не замечающего выдающиеся внешние достоинства собеседницы профессора, – в Париже сделали все, чтобы обезопасить себя на многие годы вперед. Пепел Седана, знаете ли... Другое дело, что все хорошо в меру. Сейчас мы стоим перед очевидным вопросом: а не пора ли начинать постепенно отходить от наложенных на немцев жестких ограничений, ведь они начинают генерировать угрозу послевоенной системе в Европе, подталкивая германцев к новому объединению. Если мы не оставим, да нет, не покажем им иного пути, кроме военного, для восстановления хотя бы довоенного жизненного стандарта, лекарство, как говорится, может оказаться опаснее болезни.

Здесь Германов почувствовал себя почти что карбонарием. Мало кто в научных и политических кругах Питера даже сейчас, спустя 15 лет после завершения Великой войны, осмеливался вслух произносить слова о каком-то восстановлении применительно к Германии. Повержена в прах! Так тому и быть. Но Германов, хорошо изучивший эту страну, ее народ, неоднократно месяцами работавший в различных германских университетах, слишком хорошо понимал пагубность такого примитивного подхода. Он как будто кончиками пальцев ощущал брожение в недрах немецкого народа, униженного военным поражением и выжатого досуха послевоенными санкциями союзников. И искренне боялся взрыва этого котла.

Удивляло то, что собеседница, хотя и явно была в теме, воспринимала его рассуждения совершенно спокойно. И предмет знала отлично.

– Вы, вероятно, еще не слышали о резолюции всегерманской профсоюзной конференции на прошлой неделе в Лейпциге? Они прямо требуют восстановления нормальных торговых связей между германскими государствами, свободы передвижения рабочей силы и много чего еще. У меня даже возникло ощущение, что за одним столом с профсоюзными лидерами у них там сидели и люди из Союзов промышленников отдельных земель и подсказывали, что еще включить в список требований. Да, французы в свое время явно не подумали, допустив воз-

возможность общенациональных объединений по профсоюзной линии. Кто же знал, что профсоюзы станут чуть ли не мотором продвижения пангерманской идеи.

Девушка выдала этот пассаж легко и свободно, как бы между делом. Германов посмотрел на нее с явным интересом. Да, эту дипломчиками на стене не удивишь. Тут нужна тяжелая артиллерия. Но кто она и откуда? Питерских германистов он знал всех и многих учил, да и немного их было.

– Вы демонстрируете настолько глубокое знание предмета, что я просто не могу не предложить Вам продолжить нашу – не скрою, весьма любопытную для меня – научную беседу где-нибудь за столиком в кафе. С лекциями я на сегодня уже закончил, срочных дел на кафедре нет, но хотелось бы немного подкрепиться.

– С удовольствием, профессор, но боюсь, что нам с Вами беседу и более глубокий обмен мнениями придется отложить до другого раза. – Собеседница была совершенно серьезна, но глаза ее смеялись, и вообще, у Германова возникло ощущение, что его видят насквозь. – Как Вы, несомненно, обратили внимание, я говорила о служебном задании. Извините, не представилась. Поручик 3-го отдела Исследовательской службы Генерального штаба. Фамилию называть не буду, а зовут меня Ольгой. Зная мой особый интерес к германскому вопросу, мой непосредственный начальник, полковник Орлов, поручил мне пригласить Вас побеседовать с ним. Ну а поскольку время обеденное, есть возможность соединить приятное с полезным. Если я не сообщу ему о Вашем отказе – надеюсь не придется, – через четверть часа он будет ждать Вас в ресторане буквально в пяти минутах ходьбы отсюда. Если Вы согласны, то я с удовольствием провожу Вас. Полковник хотел бы, чтобы я тоже присутствовала при разговоре.

Да. Кургуазность можно было отложить до лучших времен. Романтическим свиданием тут и не пахнет. С такой начнешь крутить роман, так она тебя еще и завербует. Военная разведка. Знакомые в военном ведомстве у Германова были и немало, но имя полковника Орлова профессор раньше не слышал. Впрочем, кто сказал, что он действительно Орлов? «Эта даже фамилию свою называть не стала. Прямой намек, что настоящей ни в коем случае не назовет, а обманом ни себя, ни меня оскорблять не хочет».

Но отказываться, конечно, не стоило. Профессор не раз ранее консультировал и МИД, и аппарат Канцлера, работал в составе групп экспертов по различным поручениям государственных органов, но с военной разведкой дел раньше иметь не приходилось. Это был как бы новый уровень, и кто знает, куда может открыться для него сегодняшняя дверь. А шансы профессор упускать не любил. Ни в чем.

– Поручик Ольга, штабс-капитан запаса Германов в Вашем распоряжении! Приказывайте. Готов послужить Отечеству! – В считанные минуты уже немолодой – все же 40 недавно стукнуло – и сугубо гражданский профессор вдруг преобразился. Нет, он, конечно, не был уже тем красавцем-офицером, который сводил с ума барышень в послевоенном университете, но было ясно, что службу он не забыл и тонкости ее понимает. – Давайте не будем заставлять ждать полковника.

И четко подтвердив свою готовность выполнить приказ коротким кивком головы, он предложил собеседнице руку и повел ее к выходу из здания.

Как ни странно, на улице было сухо и даже солнечно, что для сентябрьского Петрограда уже совсем редкость. Поэтому не спешили, прошли по набережной, подставляя лица солнцу и легкому морскому ветру, и по дороге немного поговорили. О себе Ольга рассказывала очень скупое, отрывочное, но основное Германов для себя уяснил. Явно из остзейских немцев. Скорее всего, и не Ольга вовсе. Лютеранка. Училась в нескольких университетах в Германии, но где заканчивала курс, не говорит. На военной службе оказалась, неожиданно для себя, после окончания университета, но усматривает в этом продолжение семейной традиции – четыре поколения предков служили империи в строю. Старший брат, поручик артиллерии, погиб в

Восточно-Прусской операции в первый год войны. В основном всем довольна, но уж слишком много кабинетной работы, хотелось бы больше времени проводить «в поле». Не замужем.

Впрочем, Германова бы совсем не удивило, если бы все это оказалось лишь хорошо придуманной легендой.

Ресторан действительно оказался практически рядом, на 2-й линии Васильевского острова. Полковник ожидал германистов в отдельном кабинете. Внешне, тем более в штатском, он был похож на кого угодно, но только не на военного. Даже если когда-то Орлов и служил в строю, он, судя по всему, приложил немало усилий, чтобы полностью избавиться и от военной выправки, и от присущих многим военным поведенческих привычек.

«Внешне типичный врач, – подумал про себя Германов, – причем не хирург и не практикующий терапевт – те ведут себя резче, – а скорее из тех, которые никогда никуда не спешат, любят порассуждать о болезнях и их лечении. Это надо уметь – такую личину себе создать».

В целом же их компания выглядела сугубо мирной и очень обыкновенной. Двое мужчин примерно одного возраста и социальной группы, молодая женщина уже в том возрасте, который допускает различные отношения с любым из них – что может быть банальнее в обеденный час в ресторане средней руки? А если уединились в отдельном кабинете, то разговор, скорее всего, о деньгах. Что-то продают, покупают, наследство обсуждают, да мало ли.

И, как ни странно, на каком-то этапе разговор действительно шел в том числе и о финансах. Правда, европейских. И все были едины в том, что выхода из нынешнего кризиса даже и не наблюдается, а, напротив, дела идут все хуже и хуже.

К какому-то моменту Орлов и Германов сумели уже найти немало общих знакомых, да и воевали они, как оказалось, по соседству. Слегка пощупав друг друга, перешли к серьезному разговору.

– Нас очень беспокоит происходящее в Германии, – полковник формулировать свои мысли умел. – Понимаю, что для Вас это предмет исследований, Вы как бы плывете за событиями, а нам приходится просчитывать их последствия. Если события будут развиваться так, как Вы рисуете в своих работах, то баланс сил в Европе может кардинально измениться. За последние 15 лет мы привыкли, что Франция определяет политическую картину Европы. Французы реально сильнее всех и в экономическом, и в военном отношении. К тому же ореол победителей в последней войне. Но если завтра немцы встанут на путь объединения... Думаю, могу не продолжать.

– И не факт, что они сцепятся обязательно между собой, – продолжил за него Германов.

– Совсем не факт. Более того, мы должны исходить из худшего, а именно из того, что они еще очень долго будут избегать такого столкновения. Но это не значит, что Германия не попытается решать свои внутренние проблемы за счет экспансии на Восток. А здесь мы. Только не Империя, как в 14 году, а... Извините, не буду продолжать при даме, – полковник виновато улыбнулся Ольге.

На какое-то время за столом воцарилась тишина. Полковник явно не форсировал разговор.

– Мне приятно, что в столь уважаемой организации не оставили без внимания мои скромные исследования, – Германову стало просто интересно, зачем его собеседники выбрали такой сложный вариант для вполне банального разговора, и он решил ускорить события, – но скажу прямо, я не очень понимаю, чем конкретно могу быть вам полезен.

– Не скажите, диапазон нашего взаимодействия может быть очень широк. Например, на следующей неделе Вы собираетесь в Лейпциг, читать курс лекций в местном университете. Ольга ведь не случайно рассказала Вам про недавние события в этом городе. Было бы очень интересно послушать, что думает тамошняя профессура о дальнейшем. Не в том смысле, что нас интересуют их творческие планы, а скорее политические, в обсуждении которых люди науки в той или иной степени обязательно участвуют.

Германову стало даже как-то обидно. Сугубая банальщина. «Они что, хотят, чтобы я им написал отчет о поездке?» И вдруг он обратил внимание, что Ольга, вроде бы поглощенная своим десертом, на самом деле внимательно наблюдает за ним.

«Ах так, ребятки! Ни слова по простоте! Хотите посмотреть мою реакцию на почти оскорбительное предложение пошустрить по мелкому. Ну хорошо!» – мысль промелькнула в голове с калейдоскопической быстротой, и он резко сломал ход разговора.

– Это все неинтересно. Кто там что думает, и даже как быстро они собираются идти по пути объединения. Не мелочитесь, полковник. О другом надо думать. – Он многозначительно замолчал.

– О чем же? – спросил полковник с интересом. Похоже, неожиданности эту публику не очень пугали.

– Думать, дорогой мой полковник, надо о том, как мы можем повлиять на политику основных участников этой европейской игры, чтобы сохранить в целом устраивающий нас статус-кво или уж во всяком случае не дать развиваться такой ситуации, которая создала бы угрозу нашим интересам. Только надо сначала определиться, мы кто: игроки или зрители? Вот Вы кем себя считаете?

Ольга, забыв про десерт, с интересом смотрела на полковника.

Тот молчал, и выражение его лица, взгляд, поза и весь внешний образ решительно менялись. Какой там доктор! Теперь перед Германовым сидел игрок, боец, ветеран многих явных и тайных битв.

– Можете не отвечать, Ваше Высокоблагородие. – Титулование прежним порядком официально было отменено, но в данном случае звучало более чем уместно. – Вы мне вот что скажите, есть у Вас наработки по какому-нибудь крайне нестандартному ходу с нашей стороны, чтобы обеспечить достижение этой цели, или надо что-то придумывать с нуля?

– А если с нуля, возьметесь?

Теперь задумался профессор. Это был вызов. Готовой идеи у него, конечно, не было. А придумывать надо было нечто такое, что инициатора подобного политического шага, скорее всего, поместит в учебники истории. Только официальное авторство, очевидно, будет принадлежать не ему, а совсем другому человеку. Более подходящему для страниц учебника. И никаких «попробую», «постараюсь» тут тоже не пройдет. А вот куда заведет его вся эта затея, как скажется она на том уютном и приятном мирке, который он себе создал... Да и пятый десяток разменял, скоро о вечном придет пора думать.

Неизвестно, как бы ответил Германов на этот вопрос, если бы не встретился вдруг со взглядом Ольги. Многое ему сказал и пообещал этот взгляд. И он ответил:

– Да.

Глава третья

Расставшись с Германовым у выхода из ресторана – тому до семейного очага на Большом проспекте отсюда было минут десять неспешным ходом, – «полковник» Орлов (с чином он поскромничал: на самом деле он был генерал-майором, заместителем начальника военной разведки Балтийской федерации) и его лучший сотрудник с псевдонимом «фройляйн Ольга» тоже решили пройти пешком. Путь по мосту через Неву был, может быть, и не столь комфортен, как прогулка по набережным, но день был уж слишком хорош. Да и не подслушает никто здесь наверняка.

– Вы действительно хотите, чтобы он нам какие-то фантастические планы предложил? – С чисто военной субординацией в этой паре дела обстояли не очень, и Ольга сразу решила понять, что она должна получить от этого, немного смешного своей уверенностью в неотразимом мужском обаянии, шпака, подчеркивающего свое офицерское прошлое.

– Знаешь, хотя он нам нужен совершенно для другого – ты сама понимаешь, для чего, – но сейчас я уже несколько по-иному отвечу на твой вопрос, чем сделал бы это до нашей с ним беседы.

– Беседы? Вербовки, чего уж там! Классно ты его сделал.

– Опять спешишь. Куда ты спешишь все время? Вербуют врагов. А он – совсем другое. Он нам с радостью помогать будет, потому что то, что мы ему предлагаем, полностью отвечает и его собственным взглядам на ситуацию. Он же с нами Родину спасать пойдет. И денег никаких за это не попросит. Ну орденок бросим, в случае удачи. И счастлив человек будет. Так что молодец, что нашла такого идейного борца, но будь осторожна. Если обидишь его ролью агента, то потеряешь безвозвратно. Он все время должен ощущать, что стоит с тобою рядом в одном строю. Ну или личное...

– Извини, просто мне кажется, что с ним можно было бы попроще. – Намек на личные отношения Ольга как бы пропустила мимо ушей, хотя, насколько ее знал Орлов, это ничего не значило.

– Да? А ты понимаешь, что на более позднем этапе мы его поднимем на уровень... – Генерал кивнул головой вперед и налево, на Зимний дворец, в направлении которого они шли через мост. – Он же может оказаться в роли фактически неофициального посланника Самого к главам германских княжеств. И тогда все будет работать на контакт с ними: и его известность, и взгляды, и даже прошлое. Сейчас, кстати, хорошо бы в прессе его потоптать немного. Надо бы найти подходящих персонажей с патриотическим душком, пусть поругают его за заботу о немцах, к фамилии прицепятся. Ну это я найду кому поручить. А ты с ним работай. Пусть еще пару раз публично о своих озабоченностях выскажется. Нам надо, чтобы у него была совершенно очевидная репутация. Так что работай, что я тебя учить буду.

Ольга молча кивнула. Учить ее было не надо. Вопрос о том, нравится ей такое поручение или нет, вообще не стоял. Не та служба. Да и, откровенно говоря, не самый паскудный вариант. Бывает и хуже.

– И все же, что за фантастику мы от него хотим? – Она любила четко понимать суть своего задания.

– Не знаю. Знал бы – сам придумал... – И генерал невольно стал вспоминать некоторые события минувших месяцев.

Доклад министра внутренних дел и последующие размышления Канцлера без последствий не остались. В течение двух недель Канцлер провел серию встреч и совещаний о путях выхода из кризиса. Озадачены были не только соответствующие министры правительства, но и военные, полиция, разведка, близкие к кабинету лидеры промышленных союзов. Дальше эта волна покатила вширь, неоднократно разбиваясь по дороге на узкопрофессиональные вопросы. В результате генерировались идеи, которые было просто трудно связать с изначальной постановкой задачи, но даже после их анализа и обобщения Канцлер так и не получил ответа на традиционный национальный вопрос: что делать? Весь этот мозговой штурм съел еще месяц, но, как это часто бывает, гора государственного бюрократизма родила мышь. То есть были вещи очевидные. Сложившийся в Европе порядок и соотношение сил в целом более чем устраивали Балтийскую федерацию. Опасность все видели именно в остановке экономического развития на континенте, рецессии и вызванных ею экономических потрясениях.

Мало кто, однако, осмеливался пойти дальше и предложить пути преодоления спада, поскольку парадоксальным образом все они – во всяком случае, очевидные – требовали именно изменения сложившегося порядка. Ломать диктат англо-французского блока? А каковы будут последствия? Где гарантии того, что германские государства, освободившись от пут Версаля, пойдут по пути мирного самостоятельного развития, а не объединятся с целью

реванша? А уж задача подвинуть французов... Кто и как их будет двигать? Такой силы в Европе просто не было. Так все и зависло.

А пока каждый тянул в свою сторону. Министры просили денег, промышленники – денег и других форм поддержки, военные – денег и еще возможности повоевать. Канцлер даже пожалел, что в тот момент, когда Киев схлестнулся с Варшавой, он ограничился только тем, что подтянул к границе несколько отобилизованных батальонов 1-й Петроградской бригады и разрешил давать желающим поучаствовать в этом веселье военнотружущим отпускат по семейным обстоятельствам. Сотни четыре офицеров и унтеров тогда воспользовались этой возможностью, и кое-кто даже не вернулся. Канцлера тогда остановило историческое чувство солидарности: ему показалось, что поляки бьются за свою свободу, как во времена империи, хотя ничего похожего там и близко не было. Может быть, стоило все же откликнуться на призыв киевлян более активно? Все же нет лучшего средства от кризиса, чем небольшая победоносная война.

Но теперь было уже поздно. Случай для внутренней мобилизации под предлогом внешнего конфликта был упущен.

Очередь до военной разведки дошла довольно быстро по той простой причине, что структура спецслужб Балтийской федерации была, скажем так, несколько необычна. Вполне естественно, что основные нации федерации – русские, финны и прибалты – не слишком доверяли друг другу. В этой ситуации функции полиции, и особенно тайной полиции, были с самого начала искусственно ограничены для того, чтобы она не превратилась в орудие укрепления одной из наций за счет других. Фактически полиция была максимально децентрализована, привязана к местным органам власти. Но потребности в аккуратном выяснении различных обстоятельств жизни соседей – и близких, и не очень – все же оставались, и эту деликатную сферу деятельности было решено целиком поручить военным. Так и стала военная разведка практически единственной спецслужбой федерации, чья деятельность была обращена в окружающий мир. В результате ее сотрудники занимались как добыванием перспективных моделей вооружений зарубежного производства, так и намного более скучными для военного человека материями из сферы политики, экономики и идеологии.

Разведчиков слушали в самом узком кругу. Генерал-майор Орлов тогда в своем сообщении сделал упор на намерения и возможности основных европейских государств и подчеркнул высокую вероятность военного конфликта.

– Вы обещаете нам новую европейскую войну? И как скоро? Как конкретно она может затронуть наши интересы? – Канцлер знал генерала еще по Юго-Западному фронту как одного из самых толковых разведчиков и сейчас был рад убедиться, что состоявшаяся смена направления его деятельности не сказалась на качестве работы.

– Четыре года максимум с момента принятия решения об объединении Германии. И мы совсем не уверены, что первый удар будет нанесен на Западе. Как бы они не ненавидели французов. Возможно, германцы попытаются сначала консолидировать вокруг себя все страны, которые могут войти в зону их влияния по национальному признаку, и попробуют свои силы, например, на Польшу. Им надо будет отработать тактику, определиться с наиболее перспективными видами вооружений, создать их запасы. До нас, скорее всего, очередь если и дойдет, то нескоро. Более вероятным вижу установление контроля экономическими методами. Вообще здесь возникают такие риски, которые сегодня даже трудно себе представить.

– Кто или что может оттянуть принятие германцами такого решения?

– По нашей оценке, альтернативой могло бы быть только заметное оживление германской экономики. В принципе, у них сейчас накопилась масса потребностей в мирной сфере, но они не могут их реализовать, а кредитовать их те же американцы не хотят в силу низкого платежеспособного спроса. – Генерал все дальше уходил от чисто военных аспектов своего первоначального доклада, но то, о чем шел разговор сейчас, было намного важнее. – Что же

касается политических сил, которые могли бы взять на себя задачу национальной консолидации, то их масса. На любой вкус. Хоть правые, хоть левые. Дело тут не в политической окраске, а в общественном запросе.

– То есть французы, вернее, их гегемония провоцирует войну?

– Да, именно так. Как ни странно, чем жестче они пытаются контролировать все внутренние процессы у германцев, тем хуже на самом деле получается. Им бы отпустить немного, но иногда возникало впечатление, что они усиливали давление даже не в военных или экономических целях. Их цель – унижить германцев, окончательно лишить их собственной воли, навсегда избавиться от возможной угрозы своим границам. Но мы считаем, что результат может быть прямо противоположным. И это не только наше мнение. Ситуацией озабочены все серьезные европейские политики. Кроме французов. Те как будто ослепли.

– И что, никто не пытался... – На этот раз в разговор вмешался военный министр. Как ни странно, при обилии в руководстве Балтийской федерации ветеранов Великой войны, он был инженером, сугубо штатским человеком, и в армии ни дня не служил. Но, как это часто бывает с бывшими штатскими, попав в военное министерство, он быстро обзавелся генеральским званием, полюбил носить мундир и представлять себя этакой военной косточкой. Злые языки уверяли, что Канцлер специально подобрал такого военного министра, чтобы опираться на абсолютную поддержку армии: никому из военных даже не пришло бы и в голову задуматься о том, кому они должны подчиняться, возникни у них выбор. Недавние события в Литве и Польше, где именно армия легко и быстро меняла государственную власть, не заморачиваясь нормами конституции и выборами, лишний раз подтвердили правильность выбора Канцлера. – Неужели Господь настолько лишил их разума, что фактически сами роют себе яму?

Генерал даже не позволил себе поморщиться. Истовая религиозность и упоминание Господа были визитной карточкой министра. Главной бедой современных вооруженных сил Балтийской федерации он реально считал их светскость, закрытие полковых и прочих храмов, отказ от регулярных молебнов и других церковных служб. Но разговоры на эту тему он позволял себе только в узком кругу, умом все же понимая, что православные молебны в частях, где половина военнослужащих если и не лютеране, то родом из них, выглядели бы все же странно.

– Полагаю, что только очень серьезные изменения на политической карте Европы могут заставить Париж изменить свой нынешний курс. – Он, как и многие люди его профессии, умел долго сомневаться, по три раза перепроверять полученную информацию, но считал, что задача разведки – давать четкий и ясный прогноз, даже если он и не нравится власти. «А иначе все это – пустая трата сил и денег», – так учил он своих подчиненных.

– Вот и подумайте над этим как следует, – Канцлер был все же из того поколения, которое однажды уже перекроило карту Европы, – только не затягивайте. Времени уже совсем нет. А теперь расскажите нам все же, что там у европейцев конкретно происходит с развитием новых вооружений – самолетами, танками, радио... Какие они выводы, в частности, сделали из опыта боев под Минском.

Совещание продолжилось, но с этого дня Орлов думал в основном о том, какие события могут изменить вектор европейского развития. Его встреча с Германовым была всего лишь одним из многих подобных мероприятий. Он как будто ставил одновременно на многих лошадей, надеясь, что хотя бы одна из них приведет его к финишу.

Глава четвертая

Германов сидел у письменного стола в своем блоке на Фонтанке и наслаждался. В круге света от настольной лампы на зеленом сукне лежали пачка листов бумаги, модный и очень дорогой «паркер» (подарок одной из его почитательниц), на серебряном овальном подносе стоял стакан чая в серебряном же подстаканнике. В последнее время Германов старался окру-

жать себя вещами с историей, и благородное серебро конца XIX века устраивало его в этом смысле как ничто иное.

И душа, и тело пребывали в состоянии глубокого внутреннего покоя.

Ольга недавно ушла. Она вообще никогда не оставалась на ночь, да и самого профессора это вполне устраивало. Где-то к полуночи он и сам собирался отправиться домой. Там, скорее всего, все уже будут спать: к его поздним возвращениям домашние привыкли, и в последнее время он даже воздерживался от объяснений. Жена понимала, что у него есть какая-то другая жизнь за пределами семьи, но, как многие женщины, предпочитала не обострять и не выяснять отношения, довольствуясь только тем, что эта другая жизнь не мешала главной, семейной. Профессора такое положение более чем устраивало. Он совершенно не был готов что-то менять в своей жизни. К тому же и работал он дома все меньше и меньше. В блоке было удобнее.

Сейчас же у него было еще часа два времени до возвращения домой, и он собирался посвятить их как бы продолжению свидания с Ольгой.

Профессор отнюдь не обольщался. Ни о какой любви или даже восторженном восхищении, которое приводило в его постель многих экзальтированных студенток, здесь и речи не было. Их отношения прояснились сразу же и окончательно при первом же свидании после памятного обеда втроем, и Ольга не скрывала, что он для нее – не столько партнер в любовных играх, сколько коллега, а скорее даже соратник, от которого много ждут в первую очередь в интеллектуальном плане. Но одно, как говорится, не мешало другому, они были достаточно опытными людьми, чтобы быстро понять предпочтения и особенности партнера, и сейчас Германов наслаждался покоем, сочетанием гордости за себя – можем еще, можем! – удовольствием от недавней близости с молодой и очень красивой женщиной и чувством глубокого внутреннего опустошения.

Как это с ним часто бывало и раньше, романтическое свидание настраивало его на очередную виток научных размышлений, стимулировало творческие порывы и взлеты фантазии. Вероятно, именно состояние глубокой внутренней гармонии и позволило ему как бы оторваться от проторенного хода мысли и привычного способа анализировать внутригерманские проблемы в их увязке с вопросами более глобальной европейской политики. В отличие от многих своих предшественниц, Ольга не пыталась внести свой вклад в обстановку и убранство блока, за одним исключением: она принесла и повесила на стену напротив письменного стола небольшую и необычную карту современной Европы в старинной серебряной рамке. Скорее всего, раньше в рамке помещался какой-то рисунок или большая фотография, но именно с такой рамкой карта прекрасно сочеталась. Столицы государств на ней были обозначены контурными рисунками наиболее значимых зданий или других архитектурных объектов этих городов. Трудно сказать, чем руководствовались в своем выборе этих объектов авторы карты, но им удалось сделать символами столиц именно те объекты, которые лучше всего отражали особенности политического мышления и текущие цели европейских государств. В этом было даже что-то мистическое.

Германов подарок оценил. Как ни странно, карта одновременно дисциплинировала мышление и делала его более образным. Он смотрел на нее и видел конкретных политических деятелей, понимал, к чему они стремятся и насколько далеко они готовы пойти. Он даже попытался объяснить это Ольге, чем несказанно ее удивил. Она-то никакой мистики в карте не видела, а купила ее для того, чтобы сконцентрировать внимание Германова на предстоящей работе.

И вот сейчас, прихлебывая остывший чай и глядя на эту карту, Германов неожиданно сформулировал для себя суть задачи: положить конец установившейся по итогам Великой войны гегемонии Франции в Европе.

«Не ты первый, не ты последний, – подумал он про себя. – Желающих было немало, какие только заходы не придумывали: и англичан подключить, и создать альтернативный силовой центр в НКР, теперь вот явно немцев пытаются раскатать на это дело. Но не выходит ничего. Что останавливает? Реально военной силы, которая могла бы сравниться с французской, в Европе сегодня нет. Не зря они столько денег в армию вбухивают. Но кто сказал, что воевать надо с ними? Так ли нужно завоевывать Париж, – он взглянул на рисунок Эйфелевой башни на карте, – чтобы подорвать французское господство? В конце концов, они и манипулируют-то европейской политикой в основном за счет не прямых способов воздействия, как в случае с германцами. А если и в отношении них так же действовать?»

Германов встал и прошелся по кабинету. Хотелось еще чаю. И не из электрического чайника, а из настоящего самовара, который Лииса ставила на общей кухне каждый вечер. Часть сервиса, как сейчас принято говорить, и лишний полтинник для нее с каждого блока в неделю. Заварочник был еще наполовину полон. Со стаканом в руке он вышел из блока и прошел по длинному коридору. У кого-то из соседей играло радио. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» Германов улыбнулся. Да уж, в Питере осенью солнце надолго попрощалось с морем и со всеми жителями.

Самовар, который Лииса уже отсоединила от общедомовой вытяжной трубы, был еще вполне горячим, и новая порция крепкого черного чая стимулировала дальнейший ход мысли.

«Что или, вернее, кто может противопоставить себя сегодня в Европе французам? Да никто, пожалуй. Развал трех великих империй фактически лишил их конкурентов. Британцы? Но их интересы традиционно лежат в сфере колониальной политики. Удерживать колонии и доминионы в сфере своего влияния Лондону становится все труднее, это – объективный процесс, связанный с экономическим развитием колоний и формированием там собственных промышленных, финансовых и торговых групп. А за этим следует и формирование политических партий, и главный вопрос для них – независимость. Так что европейские дела англичанам не безразличны, но их интересует стабильность, отсутствие новых угроз с этого направления, а как раз это-то и обеспечивают им французы.

Но если нет сильного игрока, то его роль может сыграть нечто другое, а именно... что? – Профессор задумался. – Пожалуй, только противоположность упорядоченности. Значит, деструкция? Хаос? Непредсказуемые конфликты на основе старых, забытых национальных и иных распрей? Наверное, только так».

Мысль была интересная, но жутковатая. Идея ввергнуть Европу в серию мелких пограничных конфликтов была если не совсем людоедской, то где-то близко к этому. И все же она не оставляла профессора. Он как бы представил себе простые аптечные весы: на одной чаше – нынешнее развитие. Германцы доходят до точки, окончательно отвергают навязанную им модель, объединяются и встают на путь реванша. И опять на несколько лет Европу разделит линия фронта, окопы и колючая проволока. И как пойдет эта война, чем она кончится – не знает никто. Кто мог подумать перед Великой войной, что она продлится столько лет и вдребезги расколется основные европейские империи. На другой чаше: серия приграничных конфликтов ограниченного масштаба, которые имеют единственную цель – покончить с французским диктатом в европейской политике. Профессор очень хорошо помнил, что в прошлом, 1935 году Парижу удалось с трудом прекратить конфликт Польши с Новой Киевской Русью. А если бы не удалось? Вряд ли Варшава и Киев стали бы воевать до последнего солдата: они явно не были к этому готовы. Помирились бы и сами. Но после этого уже бы не оглядывались каждый раз на французских друзей.

Странноватый и не самый гуманный, конечно, способ показать европейцам, что жить можно и без французской гегемонии, но другого что-то пока не видно.

Германов допил чай, придвинул к себе стопку бумаги, и строчки одна за другой стали быстро ложиться на нее, составлять абзацы, пункты, заполнять страницы.

Обосновав общий подход, он на минуту задумался. Кто первый? Кому предстоит начать то, что в тексте уже приобрело название «неуправляемой реакции деструкции в ответ на затянувшуюся французскую гегемонию»? Ответа пока не было, хотя общий принцип был очевиден: «Мы придумали, нам и начинать».

Глава пятая

Через пару дней Германова пригласили к ректору. В назначенный час он вошел в его приемную, заранее не ожидая от предстоящей беседы ничего хорошего. Ректор был академиком еще старой, довоенной школы и любил публично порассуждать о классических подходах в науке. К тому же все его основные работы – безусловно, весьма и весьма значительные – были посвящены эпохе наполеоновских войн, и своего восхищения гением Наполеона он не скрывал. А тут Германов с его обличением современной французской политики. Трудно им было понять друг друга.

Так что, перебрав на всякий случай все свои мыслимые и немыслимые грехи, профессор был готов к неприятному разговору.

«Хорошо, что с появлением Ольги вся эта мелочь студенческая как-то отошла на второй план», – подумал он про себя, вдруг осознав с удивлением, что поручик Ольга действительно сумела положить конец его постоянным легким романчикам со студентками. Она настолько полно вошла в его жизнь, что, отвечая на очередные вопросы восторженных почитательниц после лекций, он совершенно не рассматривал их как перспективные объекты для интимных отношений.

«И что это значит? Неужели настолько все серьезно? Или возраст уже сказывается? Надо будет следующим летом с семьей в Ялту съездить и отдохнуть как следует. А то со всеми этими делами и вкус к жизни потеряешь».

Так что в кабинет к ректору Германов входил, погруженный в свои мысли, без заметного внешнего трепета.

– Рад, профессор, видеть Вас в добром здравии. Давно не виделись. Присаживайтесь. Как Ваша монография о Версальской конференции? Если не ошибаюсь, в декабре мы Вас слушаем на ученом совете? Будете готовы? – Ректор, как опытный бюрократ, любил показать, что он держит руку на пульсе университетской жизни, хотя вся профессура прекрасно знала: к каждой такой беседе помощник ректора готовил короткую памятку с парой пунктов. О чем спросить, напомнить или слегка пожуричь собеседника. Наиболее опытные из профессоров иногда даже сами подкидывали помощнику темы для разговора. Получался практически разыгранный по ролям деловой и энергичный диалог, жаль только, зрителей у него не было. Ну чем бы барин не тешился.

– Готовимся. Я счел возможным, учитывая объем работы, привлечь к ней своих аспирантов и даже студентов старших курсов, своего рода небольшое научное общество сложилось. Хорошо, что архивы МИДа нам открыли. Там хорошо посидели.

– Студентов или студенток? Хотите, наверное, скрасить скучную работу над архивами? – ректор, конечно, знал слабости своих профессоров и сейчас не преминул слегка уколоть Германова.

– К сожалению, представительницы лучшей половины человечества как-то не очень интересуются исследовательской работой такого рода. – Германов тоже был не прост, и уж ни за что не включил бы в научную группу своих поклонниц. Однажды попробовал, но ничего, кроме сложностей, это не принесло. С тех пор ни-ни. Две разные категории. Или тут, или там. – Но архивы удалось поднять хорошо. Удалось договориться с Киевским университетом, и даже там поработали. Хотя ни мы, ни НКР не принимали участие в конференции, но все же кое-какие контакты с союзниками по поводу раздела Германии у киевлян были. И с учетом этих сведений

отслеживается очень интересное развитие в позиции Парижа по поводу границ будущих германских государств. Сначала они вообще мельчить собирались, чуть ли не добисмарковское устройство Германии восстановить.

– Весьма любопытно. Рекомендую здесь хорошенько посмотреть. Крайне любопытно в деталях разобраться. Французы ведь ничего просто так не делают. Не в первый раз они определяли конфигурацию политической карты Европы, опыт есть.

«Неужели сейчас сядет на своего любимого конька, – с тоской подумал Германов. – Сейчас еще и Тильзит вспомнит».

Но обошлось.

Ректор вдруг резко перешел к другому.

– Я, собственно, для чего Вас пригласил. В Упсале через месяц состоится научная конференция, как раз по Версальской конференции. Они как бы начинают заранее готовиться к ее предстоящему 20-летнему юбилею. Мне прислали приглашение, но мой график уже плотно расписан, так что хочу предложить Вам туда поехать. Послушайте, с коллегами пообщайтесь. Дело хорошее и полезное. И для подготовки к ученому совету пригодится.

Подарок был царский. Ректор очень ревниво относился к приглашениям профессоров его университета на международные мероприятия. Получить его согласие на простую поездку было не просто, а уж чтобы он отдал свое приглашение – о таком Германов просто не слышал.

Он совершенно искренне поблагодарил старика, подумав про себя, что он все же большой ученый, если готов в интересах науки отказаться от приятной и необременительной поездки в симпатичную Упсалу.

Вечером, по уже сложившейся привычке, Германов поехал на Фонтанку. К поездке в Упсалу надо было подготовиться. Предварительный список участников производил впечатление. Помимо своих коллег из ведущих институтов европейских столиц, Германов увидел в нем и дипломатов-ветеранов – тех, кто непосредственно участвовал в Версальской конференции и делил послевоенную Европу. Побывать на конференции такого уровня было почетно само по себе, но он не оставлял надежду, что ему удастся там выступить. Хотя бы в прениях, если не в первый, то во второй или в третий день. Надо было готовиться: набросать тезисы, отработать логику переходов от одного к другому, заранее придумать пару изящных шуток – якобы экспромтов. Рабочим языком конференции был, естественно, французский. С ним Германов чувствовал себя не очень уверенно, так что не мешало и посидеть со словарем. Только что изданный в Париже и привезенный в качестве подарка одним из коллег Ларус, к счастью, стоял на полке под рукой.

Германов настолько увлекся работой, что заметил Ольгу только тогда, когда она, присев напротив него, на манер прилежной гимназистки сложила руки на краю стола и оперлась на них подбородком.

– Да-а, профессор, совсем заработались. Так у Вас всю мебель из кабинета вынесут, а вы и не заметите. А я-то надеялась... И постель в спальне разобрала, и шампанское на ледник положила. Боюсь, оно там совсем замерзнет. А Вы все в трудах и трудах. И куда бедной девушке податься...

– Добрый вечер, бедная девушка. Извини, не ждал тебя сегодня. А тут поездка интересная образовалась – надо готовиться.

– Это в Упсалу? Думаешь, там что-то важное может произойти?

– А откуда же, интересно, ты про Упсалу знаешь? Мне самому только сегодня предложили там наш университет представлять...

– Ну, знаешь, у нас такие мероприятия отслеживаются. А ректору вашему давно пора у себя в имении мемуары писать. Замшелый тип. Знал бы ты, кто его просил за тебя. А он еще что-то там про приверженность академической науке объяснять начал. Похоже, ты его хорошо достал.

Германов был неприятно удивлен. Вот, оказывается, что стояло за непривычной душевной широтой ректора. Думал, тот, наконец, оценил его научный потенциал, а оказывается его просто двигают по игровой доске, как шахматную фигуру.

Вероятно, эти эмоции отразились на его лице, и уж чем-чем, а недостатком наблюдательности Ольга не страдала.

– Только не надо обижаться, профессор. Видишь, мы с самого начала ничего от тебя скрывать не стали, хотя могли бы. Понимаешь, к тебе будет пара просьб, и речь идет не только об этой конференции. Ты ведь через Стокгольм туда поедешь? И сможешь там задержаться на несколько дней на обратном пути. Там кое-кому помочь надо бы. И поверь, дело очень серьезным оказаться может. Надо будет помочь одному хорошему человеку. Кстати, нашему офицеру. – Чуткая и проницательная Ольга давно уже поняла, что даже полтора мирных десятилетия, погружение в научную среду и совершенно иные реалии мирных дней не вычеркнули из системы ценностей Германова понятия, которые сформировались у него в годы Великой войны. Выручить своего брата, офицера – против такого возразить ему было трудно.

– Но могли бы и заранее предупредить, – не хотел сразу сдаваться он, – а вдруг у меня планы были...

– Поверь, до последней минуты не знали, как этот старый пень поступит. Он вроде и выслушал, и в понимание вошел, но так ничего и не обещал. Наверное, ты своим обаянием в последнюю минуту склонил чашу весов. – И она, в свою очередь, улыбнулась настолько обаятельно и призывно, что разговор о поездке в Швецию был отложен на потом по чисто техническим причинам.

Часом позже они сидели у журнального стола в кабинете, пили чай с легкой закуской и постепенно вернулись к серьезному разговору.

– Что-то я плохо представляю, как и чем смогу помочь вашему человеку в Стокгольме через месяц. – В делах разведки Германов не то чтобы хорошо разбирался, но модные в последние годы детективы все же иногда читал.

– На самом деле это двойная страховка. Мы рассчитываем, что ему к этому моменту удастся получить ну очень вкусную информацию, а шведы сейчас просто лютуют. Обложили наше посольство, про военного атташе я вообще не говорю – шагу не дают ступить. Опасаемся за каналы связи. Так что может возникнуть нужда срочно перебросить домой несколько пленок.

– Это я что же, вроде как курьером должен работать?

– Знал бы ты, о чем речь идет. Помнишь историю, как во время Великой войны немцам подбросили фальшивую карту минных полей в Рижском заливе, и они туда двинули флотилию эсминцев? Об этом еще недавно фильм сняли. Так вот, это похлеще будет. Но главное, ты – вне подозрений. Видный ученый, возвращаешься с конгресса, о котором неделю будет писать вся шведская печать. Надо бы еще твое выступление там устроить. Ну а для полноты картины мы добавим в эту историю и лирическую составляющую. Ты, надеюсь, не против, если я в этот момент тоже окажусь в Стокгольме, и мы с тобой пустимся там во все тяжкие? Поверь, шведская контрразведка только плевать будет, если им кто и скажет, что ты имеешь отношение к их пропавшим секретам. Так не бывает, понимаешь. Полное смешение стилей: с одной стороны, ты – очень публичная фигура, все время на виду, мы еще и интервью какое-нибудь тебе в Стокгольме устроим, а с другой – мы с тобой там любовь крутим, от них особенно не скрываясь. Какая уж тут разведка... Она любит тишину. А здесь мы сами подставляем. Идеальное прикрытие.

Германова уже второй раз за этот вечер слегка резануло. Уж очень оригинально и непосредственно Ольга и ее начальники смешивали в одну кучу их отношения, шпионаж и высокую европейскую политику. До сих пор в своей жизни он привык проводить четкие разграничительные линии между семьей, работой и романами на стороне. А тут – винегрет какой-то.

Но спорить не хотелось, да и перспектива провести несколько дней в Стокгольме с Ольгой выглядела более чем привлекательно.

Глава шестая

Дорога в Швецию в памяти Германова как-то особо не отложилась. Вроде и недалеко, а все на перекладных. Ночной поезд до Хельсинки, пересадка там рано утром на теперь уже местный сидячий поезд в Або, который все чаще называли финским названием Турку. На пароме до Стокгольма профессор взял отдельную каюту – всю дорогу он продолжал штудировать свои записи, готовясь к конференции. Про себя он даже удивлялся этой усидчивости: он и так-то прекрасно владел материалом, а сейчас тексты Версальских договоренностей буквально отскакивали у него от зубов.

«Как будто к экзамену готовлюсь», – удивлялся про себя профессор, не подозревая, как он близок к истине.

Паром шел не спеша, с остановкой на Аландских островах, и профессор успел отдать должное его специалитету – шведскому столу, как его называли в России. Любопытно, что сами шведы называли подобный буфет «бутербродным столом».

«Да, есть еще рыбка в балтийских водах!» – подумал Германов, обозревая почти бескрайнее поле стола с различными видами сельди, лосося, салаки и прочей рыбы во всех мыслимых видах. К соседнему столу с мясными закусками его даже и не потянуло. Уж его-то, урожденного питерца, рыбой было трудно удивить, но тут сумели. Все было вкусное и очень свежее.

Первая рюмка хорошо пошла под красную икру, смешанную с мелко нарезанным репчатым луком и сметаной. Это странное сочетание Германов как-то попробовал в Хельсинки и с тех пор при возможности всегда отдавал ему должное. Отведал и разных видов сельди, не переставая про себя удивляться финской привычке готовить ее в сладком соусе. Сверху хорошо лег запеченный лосось. Водкой Германов увлекаться не стал – предстояло еще работать. Выкурив после обеда на верхней палубе папиросу, поежил: осенняя Балтика к прогулкам на свежем воздухе не располагает. Дуло на палубе изрядно. Вернулся в каюту и углубился в свои бумаги.

В Стокгольме Германов не стал задерживаться и первым поездом – скорее электричкой – отправился в Упсалу. В результате он приехал чуть ли не раньше всех: за два дня до открытия конференции. И очень был этим доволен. Дело даже не в том, что он успел посмотреть город и его достопримечательности. Важнее было другое. Германов довольно быстро познакомился со шведами-организаторами конференции, подбросил им пару полезных идей и сумел забить свою фамилию в список участников прений в третий день. На большее он, собственно, и не рассчитывал, уж если в первый день в списке выступающих было три бывших министра иностранных дел времен Версаля. А так – и вполне достойно, и по месту.

За три дня конференции Германов не раз искренне вспомнил добрым словом и ректора, и своих «друзей» из Генштаба. Ему было действительно интересно. Конечно, выступления бывших министров на тему «Моя роль в успехе Версаля» особой научной ценности не представляли, но и без них было кого послушать, да и практические результаты были налицо. Еще до выступления в прениях ему удалось пристроить свои статьи в три ученых сборника престижных университетов, а уж после выступления Германова число таких договоренностей удвоилось. Бодрый спич питерского профессора на тему последствий версальских ограничений для сегодняшней Европы, причем совсем не в комплиментарном духе, разбудил аудиторию и даже сфокусировал на нем внимание аккредитованной прессы. В ближайшее время можно было ожидать появления его фамилии в газетных репортажах о конференции.

Но главный и очень неожиданный результат проявился вечером, после заключительного обеда в местном королевском замке. Обстановка благоприятствовала. Замок, собственно, уже давно не был резиденцией королевской семьи и использовался местными властями и универ-

ситетом для различных общественных мероприятий. Но стены XVII века, архитектура, атмосфера как-то успокаивали, отсекали проблемы сегодняшнего дня. Тянуло на философствование и откровенность. И вот, уже выйдя из-за стола, Германов отказался от кофе и прогуливался с рюмкой акевита по холлу. Мысли его, собственно, наполовину были уже в Стокгольме, где завтра предстояла встреча с Ольгой. И в этот момент он услышал обращение: «Молодой человек, не присядете ли Вы рядом со мной?» Сказано это было на немецком. Германов оглянулся и с удивлением увидел сидящего на небольшой вычурной банкетке, бывшего в 1918 году статс-секретарем МИДа Германии, уже очень пожилого и, похоже, очень больного немецкого барона. В отличие от своих коллег из стран-победительниц, он не выступал на конференции и просидел все три дня в первом ряду, внимательно слушая доклады и прения.

– Да, господин статс-секретарь. Позвольте представиться...

– Не надо. Я знаю, кто Вы. Читал пару Ваших работ и с интересом выслушал сегодня Ваше сообщение. И как Вам здесь?

– Очень интересно. Хотя, конечно, хотелось бы подробнее поговорить о современности. Вы, вероятно, знаете, что основная тема моих исследований – именно пост-Версальский мир. Мотивация принятых тогда решений в принципе хорошо изучена, а вот последствия...

– Последствия мы пока что не можем оценить даже хотя бы приблизительно. Все намного хуже, чем многие предполагают. Я заметил в Ваших работах признаки этой озабоченности, выходящей за рамки академического исследования. Похоже, Вы понимаете немного больше, чем другие. И вот что я Вам скажу: ищите третье приложение.

– Простите? Третье приложение? Вы имеете в виду к Договору о мире? Но их же было всего два?

– Два открытых. О новых границах в Европе с картами и о военных ограничениях для германских государств с цифровыми таблицами. Нас тогда просто изнасиловали. Но трудно выиграть на поле дипломатических битв, после того как военные вдрызг проиграли войну. Кое-что, однако, мы все же сумели. Так что знайте: было еще и третье, секретное приложение. Это был наш единственный успех. Оно касалось временных параметров действия двух первых. Через 20 лет предполагалось провести их ревизию – по необходимости. Срок приближается. По требованию французов, – старый дипломат как будто выплюнул это слово, – его засекретили, и теперь они делают вид, что его и не было. Ищите его. Это – бомба. Она взорвет европейскую политику или, наоборот, даст шанс на новый этап мирного развития. Не знаю. Ищите. Честь имею. – Бывший статс-секретарь встал, кивнул Германову и пошел к выходу.

На минуту разговоры в зале затихли, и все посмотрели ему вслед. Многие покачали головами: здорово сдал старик. И мало кого на следующее утро удивила быстро распространившаяся среди уже разъезжающихся участников конференции весть о том, что бывший – и последний – статс-секретарь германского МИДа скончался ночью от третьего инфаркта.

Глава седьмая

Пригородный поезд от Упсалы до Стокгольма доставил погруженного в невеселые мысли Германова в шведскую столицу около 11 утра. Вчерашний разговор не уходил из памяти, но надо было переключаться. Предстояло два дня в Стокгольме, который он почти не знал, встреча с очаровательной и загадочной Ольгой и что-то еще таинственное, а может быть, и опасное. Страха Германов, впрочем, не испытывал. Шпионские скандалы с разоблачениями, арестами и высылками сотрясали, как правило, Западную и Центральную Европу. А здесь, на Севере, по его мнению, и секретов-то серьезных ни у кого быть не могло. Скорее что-нибудь из области техники. То ли шведы сплав какой-нибудь придумали, то ли в области судостроения какая-нибудь новинка. Как раз недавно газеты писали, что они построили авианесущий крейсер с артиллерией и самолетами на борту. Авианосцы-то появились еще во время Великой

войны и постепенно развивались, как самостоятельный класс боевых кораблей, но вот скрестить классический артиллерийский крейсер с броней и башенной артиллерией на баке с самолетной палубой на юте... Наверное, это неплохо, если противник на порядок слабее и ответить толком не может. Тогда можно долбать его сначала авиационными торпедами и бомбами, а потом – артиллерией. А вот если у него калибр и дальность стрельбы не хуже, то пара снарядов в самолетную палубу и ангар и будешь думать только о том, как бы ноги унести. Если сможешь. Все-таки авианосцы всегда держались позади других боевых кораблей и в разборках между «большими дядьками» участвовали своими самолетами, а не пушечными стволами. Впрочем, представления у шведов на этот счет были чисто теоретические: больше ста лет уже ни с кем не воевали.

Так что Германов предпочел сосредоточиться на приятном, взял такси и двинул в Гранд-отель, где Ольга заранее заказала им номер. Гостиница, конечно, не для профессора в деловой командировке, дороговата, но Ольга в ответ на его аккуратные сомнения только весело махнула рукой и пояснила, что все равно платит «контора», поскольку темнее всего под фонарем.

«Ну вам виднее», – подумал тогда Германов, хотя ситуация его несколько озадачила. Жил он, несмотря на свое профессорство, все же довольно скромно. Опасения только усилились, когда в гостинице предупредительный портъё, найдя подтверждение его резервации, вручил ему ключ от люкса на третьем этаже окнами на королевский дворец. Да и сам отель производил впечатление. Германов слышал, что экономически шведы чувствовали себя очень неплохо, в их столице много строили – и предприятий, и жилья. Но одно дело, когда об этом читаешь, и совершенно другое – когда буквально ощущаешь вокруг себя запах денег. Германов знал за собой это качество. Он умел как бы видеть, как живут окружающие его люди. Разумного объяснения этому не было. Конечно, навыки ученого-аналитика позволяют вычленять из повседневности массу мелких деталей, на которые большинство окружающих просто не обращают внимания, но дело было не только в этом. Так вот, здесь люди жили богато или, во всяком случае, намного богаче, чем в тех местах, где ему приходилось бывать раньше. Это было не скороспелое богатство нуворишей, а богатство стабильное, созданное веками. На эти мысли наводила и махина королевского дворца. Здесь ощущалась империя. Но не несколько обветшавшая, как – что греха таить – ощущалось в Питере, а благополучная и даже развивающаяся экономически. И как им это удается?

Стук в дверь отвлек его от этих мыслей. В Упсале коллеги дали ему пару уроков шведского, но он даже и пытаться не стал. Вокруг Балтийского моря немецкий знали все, а Германов владел этим языком виртуозно.

– Herein!

Впрочем, он мог бы и не напрягаться. Это была Ольга. Узнать ее, правда, было трудно. Как-то очень по-местному она выглядела. Это касалось как гардероба, так и прически, и почти незаметного макияжа. Высокая, стройная, но ее обычная броская красота, совсем не присущая шведкам, куда-то ушла. А уж когда Ольга сделала книксен и что-то очень уверенно произнесла по-шведски, сомнений никаких не осталось. Во всяком случае, в толпе ее выделить было невозможно.

– И что это было? – поинтересовался Германов.

– А я уже забыла. А ты должен бы понимать. Они так же, как немцы, очень любят многосложные существительные. Но оставим языкознание. Ты зачем сюда приехал? Будешь соблазнять меня, или пойдем знакомиться с местными достопримечательностями?

Конечно, пришлось объяснить Ольге – и весьма цветасто, – что основная достопримечательность этого города появилась здесь совсем недавно, затмила все остальное и, к счастью для Германова, позднее вместе с ним переместится в Питер. Так что вышли они из номера не скоро.

Дело шло к вечеру. Идти в старый город, или Gamla-Stan, как уверенно назвала его Ольга, было поздновато, поэтому они прогулялись вокруг Оперы и Парламента и углубились в улочки

сравнительно новой – всего 100–150 лет – застройки. Маршрут их выстраивался, казалось бы, хаотично, но когда они собрались наконец пообедать, то Ольга уверенно выбрала совсем небольшой ресторан на почти пустой вечерней улице.

Еду там подавали вкусную, но простую. Их немецкий совсем не смутил хозяина. Вообще, все было как-то очень по-домашнему. Минимум посетителей, спиртное на столах у большинства из них было ограничено кружкой-другой пива. Место для семейного времяпрепровождения.

Оба явно устали, и Германов предложил вызвать такси, но Ольга попросила его дойти еще несколько кварталов до центральной Свейявэген и сесть на такси уже там.

– Так надо, – пояснила она коротко, и Германов понял, что именно в этом ресторанчике они оказались неслучайно. Что-то их присутствие здесь для кого-то означало. Но лишних следов оставлять не стоило.

В номере их ждала бутылка шампанского – комплимент от менеджера отеля, и посещение бара и дансинга было решено перенести на следующий день.

Когда утром следующего дня Германов вышел из ванной, он застал Ольгу в его рубашке, сидящей у открытого окна. В комнате было, мягко говоря, прохладно.

– Это ты что делаешь? Надеешься соблазнить короля? Дворец-то напротив.

Она приложила палец к губам и нахмурилась.

– Просто воздухом захотелось подышать. А смущать публику снаружи не хотелось, вот твоей одеждой и попользовалась. Собирайся быстрее, пойдем завтракать, а потом по городу погуляем.

«Как-то необычно это выглядело: сидеть перед открытым окном на третьем этаже в мужской рубашке, – отметил про себя Германов. – Еще один условный знак кому-то?»

Завтрак в ресторане Гранд-отеля был обилён. Посидели хорошо. Германов поймал себя на том, что ему уже давно не было так комфортно и спокойно. Ольга не давила на него, понимала многое без слов, а свои желания умела объяснять спокойно и логично. В конце завтрака она так же ненавязчиво напомнила ему, что небольшая прогулка по городу будет более чем уместна.

Они обошли залив, присоединились к экскурсии в Королевский дворец и лишний раз потешили чувство национальной гордости. Оба не раз посещали Эрмитаж, а здесь все было хоть и помпезно, но намного скромнее. Одни зеркала, составленные ради экономии на налогах из отдельных частей, чего стоили. Кто бы из русских императоров стал платить налоги в казну за свои зеркала? А шведским приходилось, вот и составляли зеркала из кусков меньшего размера. Посетили Ратушу, побродили по улицам Старого города. Ольга привезла с собой фотоаппарат, и они много фотографировали, не раз меняли пленку. В какой-то момент именно на его узких кривых улочках Ольга вдруг изменилась.

– Нам сюда, – неожиданно сказала она и без стука открыла старинную деревянную дверь в стене трехэтажного дома без всякой вывески. Она быстро провела Германова по какому-то коридору, они пересекли внутренний двор, спустились в подвал, поднялись из него по другой лестнице – эта гонка продолжалась минут 10, прежде чем они наконец оказались в каком-то пустом кафе. В глубине комнаты стоял молодой человек – по виду типичный скандинав, даже с небольшой шкиперской бородкой.

– Знакомься, это – Георгий, мой коллега. Мы должны завтра помочь ему попасть под арест.

– Добрый день. Странные у Вас, на мой взгляд, желания.

– Здравствуйте, профессор. Весьма приятно познакомиться. Поверьте, желания нет совсем, но выхода другого нет. Так что сделаем так...

Изложенный им план показался Германову абсолютно безумным и по-детски наивным, но парень явно многого недоговаривал. Остаток дня они провели как заправские туристы.

Вынырнув из еще какой-то двери в закоулках Старого города, они перекусили в очередном ресторанчике, покатались на небольшом катере, опять долго гуляли и зашли в пару музеев. Германов еще умудрился дать интервью местному корреспонденту питерской газеты, вечером они долго танцевали, а потом выпивали в баре отеля. Как шепнула потом в постели Ольга:

– Мы с тобой образцовые туристы-любовники. Давай уж выполним программу до конца, чтобы не испытывать разочарования.

И выполнили.

Паром в Турку уходил на следующий день в два часа. Еще утром в номере Ольга молча положила на стол толстую пачку крон. Расплатившись за номер, они завезли на такси вещи в порт в камеру хранения и сдали их по отдельным квитанциям, а затем вернулись в центр города к Королевскому дворцу, где через час должна была начаться церемония развода караула. Зрителей у этого мероприятия всегда было немало.

Оставшееся до церемонии время Ольга и Германов скоротали в небольшом кафе. Минут за 10 до начала они расплатились, и Германов вышел на улицу. Ольга же зашла в дамскую комнату. Публика постепенно стягивалась к западной стороне дворца, и внимание ее было сосредоточено на уже появившихся на площади королевских гвардейцах. Никто и не обратил внимание на то, что из дамской комнаты кафе Ольга вышла совершенно в ином виде: парик сделал ее яркой брюнеткой, а двусторонний плащ сменил цвет со светло-серого на темно-синий. Изменив походку, она как будто даже стала выше ростом, а большие черные очки закрыли почти пол-лица.

Четко следуя полученным накануне инструкциям, Германов подошел к киоскам с сувенирами, вытащил из кармана пальто и смял в руке небольшой бумажный кулек, очень убедительно оглянулся по сторонам, сделал два шага к давно замеченной урне и выбросил в нее ненужную обертку. Затем он опять смешался с публикой, которая все плотнее собиралась вокруг ограждения, рассматривала и комментировала перестроения гвардейцев.

Ровно через три минуты урна полыхнула то ли небольшим взрывом, то ли хлопком петарды. Полыхнула громко и ярко. Одновременно в другом конце площади возникла какая-то суета, но напуганная хлопком толпа колыхнулась и смяла начавшееся там движение. Кто-то пробивался к центру заварушки, пытаясь рассмотреть, что там происходит, кто-то, наоборот, пытался покинуть место происшествия. Все, как говорится, смешалось.

В этой суете Германов, опять же четко следуя полученным инструкциям, повернул в первый переулок направо, затем налево, пересек канал и уже через пару минут поймал такси на набережной. Ему казалось, что он успел увидеть, как темно-синий плащ и черный парик Ольги скрылись в соседнем переулке. Он успокаивал себя тем, что ей надо было только завернуть за угол и на секунду выпасть из поля зрения преследователей, чтобы успеть опять кардинально сменить внешность.

«Господи, чем я занимаюсь! – Ученая привычка все анализировать не оставляла его и сейчас. – Как в плохом детективе: бегаем по улицам в париках, меняем одежду. Чепуха какая-то. Но чего не сделаешь ради близкого человека».

Такси не спеша продвигалось в сторону порта, а суета и даже паника в центре города нарастали. Германов был готов поклясться, что между сиренами полицейских машин он слышал даже несколько револьверных выстрелов. Шофер включил радио, но сообщений о происшествии в центре пока не было.

В порту особых мер безопасности Германов не заметил. Он получил свой багаж, прошел паспортный и таможенный контроль. Он был готов предъявить служащим таможни несколько пар вязаных шведских носков, купленных для жены и детей. Под ними в чемодане помещалась еще пара пакетов с женскими вещами в упаковке дорогих магазинов – это таким образом Ольга замаскировала свой скромный багаж, сдав в камеру хранения чемодан, в который для веса было положено два телефонных справочника. Сверху в чемодане Германова лежал номер

газеты «Дагенснюхетер» третьего дня с репортажем о конференции в Упсале, где парой строк упоминалось и его выступление. Фотоаппарат и десяток отснятых пленок он вез в саквояже вместе с научной литературой, набросками и записями с конференции. Такие пассажиры не могли заинтересовать таможенников по определению.

В каюту к Германову Ольга ворвалась буквально за пять минут до отхода.

– Кажется, получилось. Как они на него бросились, ты бы видел. А он вырвался и вскочил в какой-то подъезд. Еще минут 10 должен был от них убегать, по дороге скинув материалы им под ноги.

– А ты? Я, когда увидел, что творится в городе, испугался, что они перекроют все дороги в порт.

– Думаю, они так и сделали вскоре после твоего отъезда. На машине меня бы уже перехватили. Но там в пяти минутах ходьбы центральный вокзал. Я села в пригородный поезд, отъехала три остановки, а оттуда у меня уже была заказана машина до порта.

– То есть все?

– Думаю, что еще нет. Остается остановка в Мариехамне. Вполне возможно, что у полиции там будет приказ проверить и обыскать всех пассажиров.

– И что делать?

– Как что? Разбери постель немедленно. Паспорта у нас на разные фамилии. Тут всем все сразу ясно станет. Посмеются и уйдут. Так что время до Аландов проводим в постели. Кстати, у меня еще один парик есть. Останусь блондинкой, но прическа короче. Ты как на этомотришь?

Остановка парома, следовавшего по маршруту Стокгольм-Турку, на Аландских островах в этот раз продолжалась на час дольше, чем обычно. Полиции поручили внимательно проверить пассажиров, но поскольку поручение исходило от военной контрразведки, весьма далекой от текущей полицейской работы, то сформулировано оно было невнятно, а приметы подозреваемых вообще отсутствовали. Подведя итоги осмотра, шведские полицейские констатировали, что восточные соседи вовсю используют эту паромную линию для решения своих личных проблем. Из ста с небольшим кают парома пассажиры десяти, причем наиболее комфортабельных, имели разные фамилии. Но законом это не запрещено, а туризм – важная сфера экономики. Это полицейские знали твердо и на прощание пожелали всем путешественникам счастливого пути.

Так что после Аландов путешественники перебрались в ресторан. Опрокинули по рюмке молча.

– А что там все-таки было, в толпе? Я так ничего и не видел.

– Он якобы передавал мне пакет. Они вели его от риксадага, он там работал. Именно сегодня документы – подлинные, заметь – могли теоретически попасть в его руки. И попали. Он извернулся и сумел вынести их на улицу. Но мне отдать не успел. Я убежала. Его положили со стрельбой и поймали, документы вернули. Они все герои – предотвратили важнейшую утечку. Родная Швеция может спать спокойно.

– А на самом деле?

– Фотокопии у тебя в саквояже. Он у тебя где?

– Да вот, как ты и сказала, сюда с собой притащил, ногу с него не убираю.

– Лучше на колени поставь, мне спокойнее будет.

– Хочешь – заberi.

– Нет. В Турку. Когда наши встретят. Все же шведская полиция ищет женщину, а не мужчину.

Так оно и произошло. У трапа в Турку их ждал симпатичный молодой человек. Очень быстро они оказались на огороженной части территории Центрального госпиталя флота, в небольшом домике, где Ольга и оказавшийся на поверку лейтенантом молодой человек почти

трясущимися руками извлекли из саквояжа Германова все кассеты с пленками. После этого они стремительно отправили Германова на вокзал к поезду на Хельсинки. Путешествие завершилось.

Глава восьмая

В родном университете Германова встречали как триумфатора. Его стокгольмское интервью корреспонденту «Вестей Санкт-Петербурга» пришлось на момент абсолютного политического затишья. Для подавляющего большинства читателей факт проведения в Упсале – не знаете, кстати, где это? – какой-то научной или политической международной конференции был абсолютно неизвестен и малоинтересен, а тут вдруг оказалось, что наши там очень даже неплохо выступили и, кажется, даже чего-то добились. Проправительственная пресса, как водится, слегка напустила туману – надо же как-то поддерживать престиж страны, а значит, и власти.

Ректор принимал многочисленные поздравления и от коллег из Академии, и из МИДа, и просто от знакомых. При этом он не забывал скромно упомянуть, что в силу занятости сам-то он принять приглашение не смог, но его воспитанник – большие надежды подает, большие, но и внимания постоянно требует – сумел весьма удачно представить международной общественности его взгляды на европейскую ситуацию. Был даже звонок из Канцелярии Канцлера. Там, правда, пока в оценках были довольно скупы и попросили прислать для более подробного изучения тезисы выступления Германова.

Так что в целом акции Германова в университете существенно подросли. Довольны были его действиями в Стокгольме и под аркой. Ольга, которая покинула его в Турку вместе с загадочным флотским лейтенантом, телефонировала ему на Фонтанку через пару дней после возвращения и иносказательно передала искреннюю благодарность своего руководства. Пообещала появиться днями.

Профессор воспринял ее отсутствие довольно спокойно, понимая, что, в отличие от него, его подруге и партнерше по столь богатым приключениям в Стокгольме предстоит в ближайшие дни извести не один лист бумаги. Да и устными вопросами наверняка замучают коллеги. Он вдруг подумал про себя, что впервые произнес это слово без той внутренней иронии, которую он вкладывал в него ранее.

Как раз на эти пару дней ему хватило общения с университетскими коллегами, рассказов о конференции и красотах Стокгольма.

Вечером третьего дня по возвращении он, наконец, смог заняться у себя на Фонтанке тем, что, даже в наиболее острые минуты стокгольмских приключений, не оставляло его мысли. Он сидел за столом, буквально заваленным всем, что было у него в личной библиотеке и на кафедре по Версальскому договору. Сборники документов конференции, тома воспоминаний членов французской и британских делегаций, монографии. Германских и русских источников было по понятным причинам меньше.

Германов прекрасно понимал, что ни в одном из этих томов он не сможет найти текст таинственного секретного третьего приложения, но допускал, что среди этого обилия бумаг найдется какое-нибудь подтверждение того, что оно действительно существовало.

Когда знаешь, что ищешь, следы находятся быстро. Первый признак того, что не все, обсуждавшееся на конференции в Версале в ноябре 1918 года, стало достоянием гласности, Германов обнаружил в протоколе вечернего заседания 12 ноября. В начале протокола заседания было указано время его проведения: с 15:00 до 21:40. Однако последнее из включенных в протокол выступлений завершилось в 17:35. Что же происходило потом? Речь, конечно, могла идти об ошибке в хронометраже, но Германов сделал первую зарубку в памяти.

Воспоминания победителей он помнил довольно хорошо, но полистал их еще раз. Нет, здесь ничего не было.

Германские источники в его досье были представлены в основном публикациями в прессе. Воспоминаний члены германской делегации не оставили: хвастаться было совсем нечем, а с научной периодикой в Германии в конце войны было совсем плохо. Германов листал вырезки чисто машинально – газеты в таком деле не источник, – но вдруг зацепился за заголовок: «Германия разделена: на 20 лет?» Автор статьи в далеко не самой уважаемой берлинской газете на следующий день после подписания договора комментировал его положения. В основном речь, естественно, шла о разделе страны – шок для немцев был колоссальный. И вот в последнем абзаце автор патетически восклицал: «Мы опять разделены, дай Бог, чтобы только на 20 лет!» Почему редактор вынес эти 20 лет в заголовок, было не ясно, поскольку в тексте статьи эта цифра не разъяснялась. Но факт оставался фактом, тем более что автор статьи как раз входил в группу германских журналистов в Версале.

Надежда на успех заставила профессора забыть о времени. Часы давно пробили полночь, но он продолжал вчитываться в документы и листать книги на разных языках. Вроде бы все. Никаких новых зацепок.

Он еще раз взял в руки текст Версальского договора – в свое время коллеги-французы подарили ему фотокопию этого документа – и стал машинально листать его. Талмуд будь здоров. Под три сотни статей. Последняя страница. Подписи и печати. Внизу приписка от руки: «Приложения на 42 листах». Два приложения к договору включали текстовые разделы, а также карты новых границ в Европе и таблицы с дозволенными пределами вооружений для германских государств. Тексты были пронумерованы, карты и таблицы имели собственную нумерацию, а сквозной постраничной нумерации всех приложений не было. Германов машинально листал приложения и считал листы. 36, 37, 38, 39. Стоп. А сколько было указано там, в Договоре? Он перевернул страницы обратно. 42 страницы? А где еще три?

Следующие полчаса профессор скрупулезно проверял текст приложений, сравнивал их с другими источниками, считал и пересчитывал страницы. Все было правильно. Готовившие текст договора на подпись главам стран-участниц конференции юристы сброшюровали текст договора с текстами всех (!) приложений и автоматически подсчитали их страницы и написали результат на последней странице договора. В доступном же для публики тексте одно из приложений отсутствовало. Если в нем был оговорен вопрос о возможной ревизии проведенных в 1918 году новых государственных границ, скажем, через 20 лет, то с учетом всех юридических формул и списка перечисленных границ, объем документа вполне мог составить три страницы.

Как случилось, что третий протокол удалось сохранить в секрете? Все же в Версальской мирной конференции участвовали почти 15 государств. Вот только подписали договор лишь три из них: Франция, Великобритания и Германия. Остальные участники могли слышать, что вопрос о пересмотре новых границ обсуждался, но окончательное решение «тройка» вполне могла принять в узком составе, а затем и оформить секретным протоколом. У Германова не было сомнений, что инициатором всей этой истории с возможным пересмотром границ через 20 лет была именно Германия, но в положении побежденного довольно трудно диктовать победителям какие-либо условия. Французы же явно настояли на закрытом, секретном характере этой договоренности, оставляя себе тем самым возможность со временем вообще забыть о ней.

«Интересно, сколько человек в Европе знают об этом? – Профессор не страдал пустым тщеславием, его скорее поразило, что факты лежали практически на поверхности. – И кто из этих знающих настолько свободен, что может вбросить такую информацию, как говорится, «в научный оборот»? И что потом будет в Европе?»

Мысли отчасти путались – уж слишком было поздно, – но общая линия просчитывалась достаточно ясно.

«Это как раз то, что нужно сегодня немцам, чтобы потребовать право на объединение. Но они же знают о существовании протокола? Почему не используют? Боятся! За последние 15 лет французы столько раз демонстрировали им свою силу, что сумели подмять под себя руководство германских государств! Ну ладно, «княжества» на Западе – Эссен и Ганновер, но чего боятся Пруссия и Саксония? До них-то французы не дотянутся? Скорее всего, есть какие-то договоренности с людьми у власти, вот и молчат».

Германов прошелся по комнате, подошел к скрытому среди книг бару и решительно налил себе бокал коньяка. Заслужил! Коньяк снял напряжение и направил его мысли в другом направлении.

«Хорошо, но идет ли там речь только о германских границах или о других тоже? Договор вообще утверждает новую политическую карту Европы! Значит, и все остальные тоже... Польский коридор? Австро-венгерское наследство? Там одни сплошные споры... Аланды!»

В ночной тишине медленно открывающаяся дверь в комнату в другое время его бы неприятно удивила, но сейчас он следил за ней совершенно отсутствующим взглядом. Из тьмы коридора в комнату шагнула Ольга.

– Что с тобой? – настороженно спросила она. – Я ехала мимо и вдруг увидела свет в окне. Ты здоров? У тебя такой вид...

Она внимательно рассматривала Германова, как будто видела его в первый раз.

– Не волнуйся, все в порядке. Да нет, какое там в порядке. Похоже, я тут нашел такое...

– Где «тут»? – Она удивленно оглядела комнату. Увидев открытую бутылку коньяка, бросила на него быстрый понимающий взгляд, но потом опять нахмурилась: да, видно, человек выпил, но немного. Возбужден невероятно, чем-то глубоко взволнован, но не пьян, вовсе не пьян.

– Так что случилось? – она попыталась перевести все в шутку и снять очевидное напряжение, царившее в ночном кабинете. – Что такое очередное великое ты мог найти в этих пыльных томах? – Ольга кивнула на заваленный бумагами и книгами стол.

Германов подошел к ней, взял за плечи, заглянул в глаза. Даже после всего, что уже связывало его с этой женщиной, он не был до конца уверен, что открывшееся ему только что стоило сразу же доверять Ольге. Но сенсация рвалась наружу.

«Может, это знамение? Неслучайно она оказалась здесь и сейчас? Кстати, а откуда она вдруг появилась так поздно?»

Этот вопрос он повторил вслух.

– Поздно? Рано, ты хочешь сказать, – Ольга явно и дальше пыталась снять напряжение за счет легкой иронии. – На часах четыре утра. Ну мы-то люди служивые, только сейчас кончили подводить итоги наших с тобой приключений в Стокгольме. Я двое суток из конторы не выходила. Да и было на каком-то этапе ощущение, что могу уже и никогда не выйти, – теперь уже Ольга пыталась разрядить собственное нервное напряжение, – уж слишком трудно было коллегам поверить, что мы с тобой фактически без предварительной проработки, слаживания и поддержки со стороны такое отчебучить можем. Подозревать начали.

Освободившись из рук Германова, она подошла к бару, налила и себе и одним глотком, как водку, опрокинула грамм 50 шустовского. Понимала, что говорит лишнее, но удержаться не могла.

– Хорошо генерал выручил. Поверил. Но и проверил сначала, конечно. Куда же без этого. Душу помотали изрядно. Правда, теперь наградить обещают.

Она повторила дозу и вернулась к Германову.

– Вызвала таксомотор ехать домой, а в последнюю минуту решила сюда завернуть. Хотя бы мимо проехать, а вообще-то – тебя увидеть. Даже не пожаловаться, нет, не положено, да и не привыкла я жаловаться. Просто поговорить хотелось. Привыкла я к тебе, – она виновата усмехнулась, прошла в глубину комнаты и села в кресло.

Помолчали. Германов еще раз подумал про себя, что на самом деле он практически ничего не знает про эту женщину, ее жизнь и судьбу. Зачем она полезла в эту разведку? Другого дела себе не нашла? Есть ли у нее семья, родные? Но спрашивать об этом сейчас как-то не хотелось.

Вместо этого он вернулся за письменный стол, отодвинул от себя текст договора и спросил:

– А почему они меня ни о чем не спросили? Я бы мог им все подробно объяснить и подтвердить. Почему и зачем такие крайности?

– Опыт, к сожалению. По сути, они правы. Нас – тех, кто работает в соприкосновении с противником, – подозревают всегда. Доверяют, конечно, тоже, но и подозревают. И это правильно. Прецеденты были, есть и будут.

– Каким противником? Мы что, со шведами воюем?

– И с ними, и со всеми остальными. Всегда и везде. Или ты думаешь, что план развертывания их флота мы сюда из праздного любопытства привезли?

– Что? План развертывания флота? – Хотя службу Германов закончил в чинах невысоких, но что такое план развертывания вооруженных сил на случай войны, он понимал прекрасно. Считай, половина успеха в первых сражениях у тебя в кармане. – Я думал, там чертежи какой-то новой турбины...

– Ага. И Георгий ради чертежей турбины сейчас у них сидит.

– Так вот за что его взяли...

– Да. И так было задумано с самого начала. Шведы-то считают, что им удалось вернуть пропавшие документы, и ничего существенного в своих планах еще пару лет менять не будут.

Ольга помолчала.

– Ты только забудь все это. Георгия через год-другой обменяют. К Новому году получишь орден. За успешную научную деятельность. Кстати, я действительно считаю, что ты разработал очень правильное видение современных европейских проблем.

– Видение? Проблем? – Германова опять захватила волна сделанного им недавно открытия, и он даже не обратил внимание на ее слова о весьма лестном для профессора университета награждении. – Послушай, что я тут нашел.

Он коротко рассказал Ольге о своем разговоре в Упсале с бывшим статс-секретарем, показал текст договора и у нее на глазах быстро пересчитал страницы приложений.

– И что это все значит на практике? – Ольга пыталась сосредоточиться, но минувшие два дня, видно, действительно дались ей слишком тяжело. – Ну проведут они новую конференцию и подтвердят все прежние договоренности...

– НИКТО! НЕ СОБИРАЕТСЯ! НИЧЕГО! ОБСУЖДАТЬ! – Германов вскочил и практически кричал на нее, отмахиваясь после каждого слова рукой с договором. – Текст сохраняется в тайне. Французы не намерены вновь обсуждать вопрос о границах. Это же ящик Пандоры. О третьем приложении, скорее всего, знают считанные лица в Париже, Лондоне и, может быть, в Берлине у пруссаков. Ну, может, кто-то еще из немцев. Но они боятся. Или даже если не прямо боятся, то нет у них куража открыто потребовать выполнения этого обязательства. Ты понимаешь, какое поле возможностей открывается при этом для такой страны, как наша? Мы-то в стороне. Нас-то все эти дела если и касаются, то только в плане Аландов! Ну и в политическом смысле. Мы же получаем возможность манипулировать европейской политикой!

После этого эмоционального спича Германов устало сел. В отношении манипулирования европейской политикой он, наверное, все же слегка увлекся, но некоторые варианты возникали.

Ольга молчала. Манипулировать европейской политикой она явно была сейчас не готова.

– Знаешь что? А давай-ка обсудим все это с утра на свежую голову. Я сейчас просто плохо понимаю, о чем ты говоришь – так спать хочу. И коньяк твой меня совсем добил.

– Нет уж, дорогая. Давай по-другому. Звони своему полковнику. Пусть сюда немедленно приезжает. Хочу с ним поговорить. А как позвонишь, действительно ложись, а то на тебе лица нет.

– Умеешь ты девушке сказать комплимент. Ладно. Довели вы все меня. Давай телефон. Но принимать его будешь сам, а я спрячусь в спальне и буду спать! Кстати, он не полковник, а генерал. И половины бутылки коньяка вам явно не хватит.

– Пусть с собой привезет!

– Об этом мне ему тоже сказать? А что, я сейчас все могу.

Глава девятая

Тревогами и ночными звонками генерала Орлова удивить было сложно. Не интендант все же. Но этот вызов запомнился ему надолго. Сначала в полпятого звонок от явно пьяной Ольги. Он сам только успел войти в квартиру, как случился их разговор.

«И когда успела», – генерала удивило даже не состояние его лучшей сотрудницы, а то, как быстро она до него дошла. Предложение захватить бутылку и приехать к Германову было, конечно, странноватым, но что ни сделаешь для блага Отчизны. Плюнул, переоделся в штатское, взял пару бутылок, вызывать служебную машину не стал – оказалось, что с блоком Германова он жил почти по соседству. В начале шестого утра он уже сидел в кресле в кабинете Германова и с интересом оглядывался по сторонам. Хозяин сидел напротив него и разливал коньяк. Ольги не было. Генерал поймал взгляд Германова и вопросительно посмотрел на дверь в соседнюю комнату. Тот только вздохнул, утвердительно кивнул головой и улыбнулся, как бы говоря: «Пусть спит!»

Посидели. Выпили. Помолчали. Генерал заговорил первым.

– Да, давненько я не начинал день с рюмки коньяка в полшестого утра. А знаете, ничего. Что-то в этом даже есть. Какое-то новое видение окружающего появляется. Да и на людей по-иному смотришь. – Он отпил еще коньяка и продолжил: – Знаете, я даже не пытаюсь ломать себе голову над причиной нашей столь ранней встречи – все равно не догадаюсь. Но скажу Вам честно: последние пару дней выдались сложноватыми. Поэтому не обижайтесь, но давайте сейчас прямо по делу. Мы обязательно еще встретимся, и я поблагодарю Вас за работу в Стокгольме, но это в другой раз.

– И не думаю обижаться. Но оно того стоит. Помнится, мы с Вами много говорили о европейских делах. Так вот, я случайно нашел бомбу, которая может действительно взорвать мир в Европе. И это не метафора. Началось это в Упсале... – И буквально в течение пяти минут Германов рассказал о своем открытии.

Генерал долго молчал. В силу своей профессии и опыта он привык верить в невероятное и всегда предполагать худшее. Невероятным, с его точки зрения, в этой ситуации было то, что третье приложение и факт договоренности о возможности пересмотра границ удавалось столько лет сохранять в тайне, а всплыло все это на поверхность именно таким образом – на окраине Европы, вдали от ее центральных столиц, в кабинете профессора истории. За такими тайнами разведки охотятся годами, теряют лучших агентов, тратятся на подкупы и выстраивают сложнейшие комбинации. Да, его величество случай. Худшее он был склонен видеть в уж слишком своевременной смерти статс-секретаря и сейчас думал, что Германову и Ольге в Стокгольме кроме шведской контрразведки могли угрожать намного более опасные силы – те, кто, похоже, стремился не допустить утечки информации о третьем приложении. А они все же выскочили. Если и это было везением, то наличие этого качества у Германова, похоже, зашкаливало, а в разведке этот фактор значил очень и очень много.

Германов несколько неправильно понял молчание генерала: ему показалось, что тот не до конца понимает значение сделанного открытия.

– Я не берусь сразу изложить все возможные варианты использования нами информации о третьем протоколе, но чувствую, что мы теперь действительно можем выстроить несколько цепочек событий – причем формально даже без нашего участия, – которые могут изменить расклад сил и тенденции в европейской политике. Уверен, например, что целый ряд стран, получив формальное основание требовать пересмотра своих границ, им воспользуются и могут не ограничиться только требованиями. Прошу не считать меня кровожадным варваром, но такое развитие разрядит обстановку, устраним зреющие конфликты...

– И породит основания для новых?

– Да, но это будет потом. И главное: рухнет французская гегемония. Они не удержат прежнюю систему в существующих рамках. Немцы должны получить возможности развиваться, поднять свое благосостояние мирным путем. Иначе они опять встанут на тропу войны.

– А Вы уверены, что мирным? У них столько претензий накопилось. Живут в нищете. Народ уезжает. Сколько миллионов уже переселились в НКР и Уралсиб?

– А здесь нужна тонкая игра. Вздохнуть им дать надо, но и показать, что если в их действиях будет ощущаться угроза, то на них набросятся все и со всех сторон. Послать им такие сигналы – дело техники. Кстати, совсем неплохо, если в рамках пересмотра границ от них что-нибудь потребуют поляки, например, еще кусок Восточной Пруссии. Да и Чехия границы Моравии может захотеть округлить. Ну и, конечно, внутригерманские споры. Надо добиваться, в первую очередь экономическим путем, неравномерности развития германских земель. Поднимать Баварию как вторую Австрию, например, Эссен и Ганновер оттягивать к западу, обострять конкуренцию Пруссии и Саксонии. Они же очень разные, немцы. Не зря ведь последними в Европе объединились в прошлом веке. И ни в коем случае не допускать чрезмерного усиления и доминирования Пруссии. Пусть среди шести германских государств будет 2–3 примерно равноценных силовых центра.

– И Вы предлагаете нам этим заняться? Управлять и манипулировать 60 миллионами немцев и всей европейской политикой с нашими 12 миллионами населения на задворках Балтики?

– Нет, конечно. Желających заняться этим делом и без нас будет более чем достаточно. Мы только иницилируем эти события, а дальше дело пойдет само.

– Как Вы это себе представляете?

– Во-первых, – Германов уже забыл, что не собирался в этом разговоре давать развернутую картину возможных действий, – мы подбросим информацию о третьем протоколе тем, кого это больше всего касается. Причем не напрямую, а через третьих лиц. Я думал использовать французскую прессу и научные круги. Там есть люди, которые в погоне за сенсацией проломают любые стены и вытащат из архивов подлинник протокола. Важно только не привлекать к работе с ними немцев, а то это будет выглядеть как национальная измена. А так – восстановление погрязших демократических процедур. Нормальное дело. Тем более, у них идет вечная политическая грызня между партиями, и всегда можно найти желающий хорошенько умыть тех, кто у власти. И, во-вторых, – Вы только не пугайтесь – нам надо будет показать другим пример использования открывающихся возможностей. И потребовать у Швеции Аланды.

Генерал почувствовал, что у него кружится голова. Не от недосыпа и коньяка в шесть утра, нет. Перед ним сидел штатский профессор университета и предлагал развязать войну!

– Вы это серьезно? – Он вовсе не собирался скрывать откровенной насмешки.

– Да, начнем с требования вернуть Аланды. Ультимативно. А не согласятся – заберем.

Генерал молчал долго. Военные планы Балтийской федерации не исключали возможности вооруженного конфликта со Швецией, но рисовали подобное развитие событий несколько по-иному. В Генштабе допускали, что старые соперники на Балтике могут в один прекрасный день попытаться вернуть себе свою былую колонию – Финляндию. Да и вообще, если вспомнить историю, то еще два с половиной века назад почти вся территория Балтийской федерации

принадлежала шведам. Соседей, конечно, потом хорошо проучили и не раз, но тогда их была империя. Теперь реальность была совсем иной. Так что все планы на этот счет имели сугубо оборонительную направленность. А тут – захват Аландов.

По итогам пост-версальских конференций об уточнении государственных границ Аландские острова отошли к Швеции. Аргументация Стокгольма была довольно сильной: острова населены шведами (хотя и было их там всего тысяч 20 – человека по три на каждый из 6,5 тысяч островов и скал), исторически входили в состав шведского королевства. Да и оспаривать эту аргументацию толком было некому: Российская империя распалась, а Балтийская федерация даже и прав на них не заявила. Злые языки потом утверждали, что Аланды отдали шведам в обмен на жирные шведские заказы питерским машиностроительным предприятиям и финским верфям, но поскольку заказы эти реально позволили сохранить промышленность, то очевидную обиду пришлось проглотить. Да и вряд ли нашлось бы в тот момент в стране много желающих вступить в новую войну из-за островов, где кроме рыбы никогда ничего и не было. Рыбалка, правда, была отменная.

Так что шведы по итогам Великой войны, не сделав в ней ни единого выстрела, оказались еще и с территориальными приобретениями. Для них острова были важны стратегически. По аналогии с Брюсселем, романтики от внешней политики называли их «пистолетом, приставленным к виску Стокгольма», и были не далеки от истины: именно Аланды стали трамплином для броска русских войск под командованием Багратиона через Балтику непосредственно на шведский берег в последнюю русско-шведскую войну. И хоть прошло с тех пор больше ста лет, но опыт этот в Стокгольме не забывали – уж слишком яркие впечатления оставили о себе набеги иррегулярной казачьей конницы в шведских прибрежных городках и селениях. Умели предки произвести впечатление, что уж там.

Была, правда, оговорка в договоре, что острова должны сохранять установленный еще по итогам Крымской войны демилитаризованный статус, но это были уже, скорее, британские игры. Выбив германский флот из игры, островитяне не преминули сделать все, чтобы обеспечить себе в случае нужды полный контроль над Балтикой. А Аланды помимо прочего еще и контролировали проход в Ботнический залив. Так-то он никому не нужен, но из портов на шведском берегу шел поток отменной железной руды, да и готового металла тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.